Я знаю, как ты дышишь

Автор:
Наталья Костина

Я знаю, как ты дышишь

Наталья Костина

Жанна убеждала себя: все происходящие неприятности временны. Но эти странные звонки и слежка… Кто-то явно решил превратить ее жизнь в кошмар. Она боялась обратиться за помощью. Боялась, что кто-то начнет копаться в ее прошлом. Следователь Катя Скрипковская решила помочь Жанне. Оказалось, что и звонит, и следит за своей жертвой женщина. Между ними есть некая связь, которую Жанна держит в тайне. Но почему? Катя жаждет понять, какую игру затеяла женщина. Что или кого так тщательно скрывает Жанна? И кто она на самом деле?

Наталья Костина

Я знаю, как ты дышишь

Wait a second, let me catch my breath. Remind me how it feels to hear your voice.

Подожди секунду, дай мне перевести дыхание. Напомни мне, каково это – слышать твой голос.

Алан Волкер

– Ах, не слушайте бедную женщину, мессир. В этом подвале уже давно живет другой человек, и вообще не бывает так, чтобы все стало, как было.

М. Булгаков. Мастер и Маргарита

© Костина-Кассанелли Н., 2019

© DepositPhotos.com / digieye, olly18, обложка, 2019

© Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2019

© Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2019

Телефон на столе зазвонил. Зазвонил снова – в пятый раз за последний час. Да что это всем сегодня неймется, а?! Аппарат на мгновение замолчал, а потом опять задребезжал.

– Рабочий день уже окончен! – рявкнула в трубку старлей Скрипковская. – Ну? Говорите! Тим, это ты? – добавила она уже не командным, а своим обычным голосом. – Не молчи. Я же знаю, как ты дышишь! И почему ты звонишь мне сюда, а не на мобильный?

– Потому что ты его выключила, – наконец сказала трубка голосом мужа. – А я стою внизу. Выходи. И… я тоже знаю, как ты дышишь! – Он засмеялся.

Они поженились три месяца назад, но Катя все еще не могла привыкнуть ни к новой фамилии Скрипковская-Тодрия, ни к кольцу на безымянном пальце – пальце, напрямую связанном с сердцем, как утверждают некоторые, поэтому кольцо Катя не снимала даже на ночь, – ни со своим статусом замужней дамы. Да и дома теперь нужно было появляться вовремя… интересно, почему? Два года они жили точно так же, как и сейчас, – минус кольцо и штамп в паспорте, и она могла являться когда вздумается, а теперь Тим косо смотрит, когда у нее завал… а завал у нее всегда! Сегодня же и вовсе за ней на работу явился!

Она уже закрывала за собой дверь, как телефон грянул снова.

– Проклятая штукенция!.. – буркнула Катя, но все же протянула руку. – Скрипковская слушает!

– Какая такая Скрипковская? – поинтересовалась трубка. – У нас такой нету!

– Игорь, меня внизу муж ждет и мне не до шуток! – бросила она.

– О как! – удивился друг, соратник и теперь тоже женатый человек по фамилии Лысенко. – Надо же! Кстати, Катька, почему все-таки ты двойную фамилию взяла? Меня любопытство так и раздирает!

– Когда уже оно тебя окончательно раздерет? – ядовито поинтересовалась она, но Лысенко не обиделся. Поскольку принимал непосредственное участие в ее личном счастье и всем прочем, включая свадьбу на бог знает какое количество гостей. Когда Катя робко сказала, что можно скромно посидеть… ну, даже и дома – чем плохо? – будущая свекровь так вскинула брови, будто всем тут же должно было стать ясно: ее единственный сын явно выбрал не ту. Дома! Еще сказала бы – у нее дома! Да, квартира большая и в самом центре, но – привести сюда посторонних?! О господи!

Катя вспомнила, как свекровь уселась на самом краешке старого дивана, будто боялась, что он рассыплется и она окажется на полу… или что его ржавые пружины испачкают ее безупречный кремовый английский костюм, коварно подобравшись прямо сквозь обивку.

– Катя, – многозначительно промолвила Лидия Эммануиловна, женщина с манерами королевы и дворцовым же отчеством, которое Катя при первом знакомстве не расслышала и несколько раз в разговоре назвала мать Тима Андреевной, пока он ее вежливо не поправил – слава богу, поправил он, а не услышала такое она сама! Катя со стыда бы сгорела! Тем более где Эммануиловна, а где Андреевна! И почему вдруг – Андреевна? Этого она, увы, объяснить не могла. – У вас тут, разумеется, очень… э-э-э… уютно, но… Но! – Лидия Эммануиловна подняла длинный острый палец. – Боюсь, мы все тут не поместимся!

Большой овальный стол посреди комнаты раздвигался, становясь вдвое больше, если было нужно. Да, конечно, когда за него садились сама хозяйка, Игорь Лысенко, Бухин с женой, Тим и Боря Бурсевич, все было в порядке, но если еще и родители Тима, и ее мама… и Наталья с Антоном… может быть и тесновато! В конце концов, к овальному можно придвинуть и стол с кухни, о чем она робко заикнулась, но напоролась вдобавок к указующему персту на такой взгляд, что

только пролепетала:

– Ну… в кафе тоже можно…

Действительно, неподалеку от дома есть замечательное кафе – в переулке, тихое и уютное, они с Тимом не раз заглядывали туда, чтобы выпить кофе и унести в пакете горячие фирменные слойки – Катя любила с кремом, а Тим – с мясом и кинзой.

– Разумеется, разумеется! – проворковала Лидия Эммануиловна. – Я уже присмотрела хороший ресторан!

– У нас тут совсем рядом… – начала было Катя, сжимая руку жениха. – Правда, Тим? Наше любимое кафе!

– Это забегаловка какая-то! – отмахнулась Тимова мамаша, и даже жемчуга на ее точеной шее выразили холодное перламутровое презрение. – Что скажут родители Отара Шалвовича!

Сам Отар Шалвович в прениях не участвовал – веселый отец Тима, который с будущей невесткой всегда был приветлив, благоразумно удалился в кухню – осваивать новый кофейный аппарат, им же и подаренный. На кухне было подозрительно тихо: то ли будущий свекор читал инструкцию, то ли решал кроссворд, но скорее просто не захотел идти наперекор жене – видимо, ему уже и дома хватило всего: «единственный сын», «не ударить в грязь лицом», «что скажут родственники» и прочего.

– А они что, тоже приедут? – не удержалась Катя. – Далеко ведь!

– Конечно, приедут! Можно даже не сомневаться! Свадьба для грузин – святое! И бабушка с дедушкой будут, и дядя Дато, и тетя Кетеван, и Давид, и Михо, и Автандил с Мириам, и двоюродные братья все… Ну и моя сестра с мужем, и Томочка…

– Конечно!.. – успела вставить Катя. С Томкой, сестрой Тима, они теперь были в прекрасных отношениях, и ей она действительно будет рада!

– …и не забыть Звиада и Илико! Столько людей, а в этом кафе убогом и повернуться негде! Да и Русико, крестная Тимура! И ее сестры: Тина, Софико, Татия… Ну и мои самые близкие подруги, конечно. Таня и Лена.

После всех перечисленных, от которых кружилась голова, Таня и Лена, подруги свекрови, коих оказалось всего две, были просто бальзамом на душу… Но как быть с многочисленной родней с грузинской стороны? Как и где всех разместить, при этом никого не забыть и, не дай боже, не перепутать?! Кто Автандил, кто Михо, а кто – Дато?! Не смешать в одну кучу степень родства и свойства: кто кому сват, крестный, племянник, свояк, золовка, троюродная бабушка со стороны крестной второй жены, поэтому ее нужно посадить по правую руку от невесты и при этом ни в коем случае не слева от тещи!

– Может, не надо… – дернулась Катя, но Тим вовремя поймал ее пальцы и сжал их.

– Платье нужно непременно белое и непременно в пол! И никакого платья из проката, которое неизвестно кто надевал, – только новое и только шить! Я взяла несколько каталогов, вот, заехала по дороге… хотя не знаю, не уверена… этот вопрос можно будет обсудить отдельно, ну, скажем, завтра! Платье – вопрос первостепенный! Давайте все-таки посмотрим, просто чтобы сравнить… Я тут выбрала из нашего семейного альбома, так сказать, в порядке ознакомления. – Лидия Эммануиловна разложила глянцевым веером с десяток снимков. – Мне лично нравится вариант с гладкой юбкой, но сейчас почти у всех эти дурацкие кринолины! И у дочери Тамрико, и у Этери… А, вот оно! Вот это! Когда выходила племянница Софико и мы ездили… очень удачное было платье, да! Не совсем такое, как я себе представляю свадебное, но нечто в таком роде и нужно!

Они с Тимом договорились, что оба будут в белых джинсах, черных майках и в кедах с яркими шнурками!.. Катя кусала губы. Платье черноглазой, чернобровой и крутобедрой племянницы Софико – вылитая Софи Лорен в молодости – с голой спиной и с высоко поднятой корсетом грудью не нравилось ей категорически.

– Нет! – сказала она решительно. – Я такое не хочу! Мы с Тимом…

Она чуть было не брякнула про джинсы и шнурки, но очень вовремя появился Отар Шалвович, неся на подносе благоухающие чашки. И молоко он перелил из пакета в молочник – Катя даже забыла, что он у нее есть! И сахарницу, кажется,

того… отмыл. Ей стало стыдно за все разом: и за свою бесхозяйственность, и за паутину в углах, и даже за то, что она не лучший вариант для их единственного сына… впервые стало стыдно за это. Ну или почти стыдно. А за паутину совестно было однозначно. Она, конечно, знала, что визита Тимовых родителей нужно ожидать, – но не так же скоро?! Во всяком случае, сегодня она их точно не ждала! Свадьба, оказывается, такое сложное мероприятие! И его нужно планировать как минимум за два месяца, а лучше и вовсе за полгода! И платье шить! Которое потом никуда больше нельзя будет надеть! И по стоимости оно будет как вся ее зарплата за год, если не больше!

– Нет! – повторила Катя. – Я не хочу!

– Да никто и не заставляет! – Лидия Эммануиловна деликатно смочила в чашке губы и бросила фотографию обратно на стол. – Я тоже не хочу! И я бы такое сроду не надела! Корсет! Вся грудь наружу! Вчерашний день! Безвкусица! Но вот юбка! То, что надо! И вы меня в обратном не переубедите!

– Ли-и-идочка… – примирительно прогудел Отар Шалвович, – ну что ты кипятишься! Никто же и не настаивает. Кате и самой не нравится! Будет все, как она захочет!

Был прекрасный момент, чтобы сказать про белые джинсы, уже купленные, кстати! И Тим просто обязан был ей в этом помочь! Но он вдруг зачем-то стал перебирать эти проклятые фотографии и расспрашивать у маман, кто, где и когда, а также как это он не поехал туда-то и туда-то, а она все заглядывала через его плечо и два раза даже открыла рот, но… почему-то смолчала.

– Пейте кофе, Катюша, – придвинул ей чашку отец Тима. – Пока не остыл.

– Спасибо! – Она взяла чашку с полагающимся к ней блюдцем – тоже отмытым и даже протертым до блеска полотенцем, кстати, – и горестно вздохнула.

* * *

– Ты чего вздыхаешь? – спросил вездесущий Лысенко, материализовавшийся прямо у нее за спиной. – Тебя ж вроде муж ждет, и вообще все в шоколаде?

– Так, – неопределенно бросила Катя. – Вообще…

– Вообще надо жизни радоваться! Вот мы с Лилькой живем и радуемся! В воскресенье с Кирюхой в кукольный театр идем!

Внезапное превращение разгильдяя и бабника Лысенко в примерного семьянина было столь непредсказуемым и невероятным, что Катя только еще раз вздохнула. У них с Лилей было все так, как Катя желала бы для себя: свадьба в тихом семейном кругу и никаких регулярных инспекторских проверок со стороны ближайших родственников. Без окрика «Стой, кто идет?» и без первого предупредительного выстрела в воздух, после которого можно было шарашить по нарушителю прямой наводкой. Она же лично за три месяца семейной жизни таких проверок с предупредительными выстрелами и без пережила уже три! По одной в месяц… Это не считая той нервотрепки, что перед свадьбой! И что, и дальше так будет продолжаться? Или ей стоит сменить замки, номер телефона и вообще поставить квартиру на круглосуточную охрану с лазером внутри, сжигающим все, что вторгается без ее санкции?! В последний раз она обнаружила дорогую свекровь в ванной комнате, куда вошла вымыть руки! И та заглядывала под ее собственный умывальник! Спрашивается, зачем?! Любезная Лидия Эммануиловна, разумеется, ничего не сказала, говорила в основном она, Катя. От испуга и неожиданности такого наговорила, признаться… что родственница, кажись, пропустила плановую проверку и теперь явится не скоро… И зачем это Тимка дал ей ключи, вот вопрос?!

– Тим, где наши ключи? – строго спросила она.

– У меня. – Муж несколько растерялся. – Мы едем домой? Или пешком идем?

– Пешком, – решила она. – Голову проветрить надо. Это твои ключи у тебя. А мои у меня. А запасные где?

– У родителей. Да что случилось, Кать?

– Пока ничего! – загадочно сказала жертва проверок. – Ничего не случилось… пока!

– Ты голову решила проветривать или загадки решать? Я соскучился.

Господи, как хорошо, что Тим пошел характером в отца! То есть и в мать, конечно, немного – любит настоять на своем, – но большей частью все-таки в милейшего Отара Шалвовича.

– Я тоже соскучилась… – Катя прижала его руку через куртку к себе. И зачем они пошли пешком? Могли и на метро поехать, и даже Лысенко мог подвезти, если бы она попросила. Быстро бы добрались домой, поднялись по темноватой, до последней щербатой ступеньки знакомой лестнице, открыли бы дверь в привычное тепло… Да, а там Лидия Эммануиловна и не метено! Не говоря уж о влажной уборке! И летняя обувь не вычищена и валяется вперемешку с зимней! И во всем виновата она, Катя! Потому что мужчина не должен убирать в доме! И уж тем более не должен отскребать грязь с ее босоножек и закидывать их на антресоли! Да уж… и окна мыть она не любит… и постельное белье у нее не накрахмалено, и даже – вот ужас! – не выглажено с двух сторон, и кастрюли не сияют, будто их купили только вчера!

– Тим, а почему запасные ключи у твоих родителей? – запустила она пробный шар. – Почему их Томке не отдать? Ты же с ней каждый день видишься, если что?

– Если что, мы с Томкой разъезжаемся в разные концы после работы и поймать ее потом невозможно! А родители ближе и все время дома!

«Ага, дома они… У нас они в основном дома!» – грустно подумала Катя и вздохнула. Сегодня вечером в ее звуковом сопровождении преобладали вздохи.

– И я у них часто бываю, – жизнерадостно продолжал Тим. – И мама всегда может подвезти, если что!

– Если что… – протянула она. – Угу…

– У тебя что, голова болит? – внезапно обеспокоился муж.

– Нет! – поспешила заверить его Катя. – Ничего не болит!

– А мне показалось…

– Тебе показалось! – твердо добавила она. – Ничего не болит, Тимка… – Она снова прижала его руку, а потом потянулась и потерлась носом о его щеку. – Правда-правда!

– Зря мы пешком идем… холодно, и грипп кругом!

– Ага! Как выскочит! – внезапно развеселилась она. – А я без оружия!

– Ты всегда во всеоружии! – Муж посмотрел на нее таким любящим взглядом, что Кате стало жарко. Она потянула на куртке змейку вниз и сняла перчатки. Затем сунула руку к нему в карман.

– Ого, какая горячая! – удивился Тим. – Катька, ты действительно часом не заболела?

Врач в нем никогда не уходил далеко, и она даже рассердилась:

– Ты мне еще температуру померь прямо тут, на улице!

– И померю! – Он привлек ее к себе, потрогал губами лоб, щеку, потом поцеловал в уголок губ: – Нормально… жить будете, пани Тодрия!

– Скрипковская-Тодрия! – надменно сказала она, заправляя под шапку прядь волос.

– Пардоньте мое невежество! – расшаркался он. – Никак не могу привыкнуть! Хотя ты могла бы называться просто Тодрия… чем плохо?

– Тим, давай не будем, – быстро попросила она. – И потом, воздух холодный. Если я буду разговаривать, а тем более спорить, я точно простужусь! А мы пошли пешком, чтобы я дышала, а не простужалась!

– Да и подарки уже пора присмотреть… твоей маме… и моей!

– Подари ей новый фонендоскоп, – стараясь держаться в рамках светского тона, проговорила Катя и тут же мысленно добавила: «Чтобы она приходила с ним к нам, и оставалась ночевать в соседней комнате, и втыкала его в уши, и

прикладывала к стенке, чтобы слышать все!»

– У нее хороший фонендоскоп…

– И хорошие кастрюли, и тарелки, и чайник тоже хороший… и характер… – Она все же не смогла сдержаться, чтобы не выпустить эту шпильку, но Тим, кажется, ничего не понял.

– Кстати, о характере. Мама говорит, что ты ее напугала!

– Что-о-о?! – Катя даже выдернула руку из его кармана. – Когда это я ее напугала?!

– Ну, когда она в последний раз к нам приезжала. Она была в ванной, руки мыла, и тут ты вошла совершенно бесшумно. Она говорит, что от страха чуть не описалась!

– Это я от страха чуть не описалась! – буркнула Катя. – Это я зашла руки вымыть, а она у нас в ванной! И зачем-то заглядывает под умывальник, между прочим! Что она там забыла? – Катя совсем выпустила из виду, что обещала себе быть вежливой и ничего такого Тиму про его матушку не говорить, и вообще желательно ничего о ней не говорить, и не обсуждать ее поведение, потому что… потому что это было некрасиво! Но она все равно не исполняла обещанного и говорила! И обсуждала. Сплетничала, короче. И даже не один раз. И поэтому сейчас она рассердилась еще больше.

– Ну, думаю, причина была. Может, уронила что-то. Или нагнулась колготки подтянуть… как это у вас, девочек, бывает? Или паука увидела. Она пауков очень боится. Если находит, берет паука в бумажку или в банку сажает, несет на улицу, а сама в это время смешно так пищит: и-и-и-и! И отворачивается от него! И… ты, пожалуйста, не придумывай ничего такого, хорошо?

Катя отвернулась и ничего не сказала. Вовсе она не придумывала! И… пауков ее свекровь боится, как же! Ее и бешеный тираннозавр не устрашил бы, сам бы пищал и обошел десятой дорогой! Да, в ванной у нее полный порядок… теперь. А под умывальником действительно была грязь, но это ведь не ее, Лидии Эммануиловны, дело! И нечего совать свой нос! Испугалась она! Вот ее мама почему-то никуда не заглядывает и не пугается! И не сваливается как снег на

голову, хотя у нее тоже есть ключи! И не закатывает свадьбу на триста человек, и не заставляет Тима чувствовать себя не в своей тарелке, как чувствовала она, Катя! «Правда, платье было умопомрачительное, – внезапно подумала она. – Жаль, что его больше никуда нельзя будет надеть…» Платье было не совсем белое, а скорее обожаемого свекровью цвета слоновой кости – но этот цвет так шел к Катиным рыжим волосам и вообще оказался и ее любимым тоже! Платье облегало ее как перчатка, оно было лаконично и вместе с тем роскошно: струящийся подол, ласкающий колени, длина, заставляющая ее чувствовать себя женщиной при каждом шаге в томительном шорохе шелка, и кружевной, под самое горло, верх с кружевными же длинными рукавами. Кружево было чуть темнее ткани, отчего казалось старинным, и на его фоне Катины медно-кованные, уложенные в высокую прическу волосы выглядели и вовсе фантастически! Да… жаль, что это платье так и будет висеть в шкафу… а потом она растолстеет, потому что Тим кормит ее как на убой и только и мечтает о том, чтобы она и вовсе ушла с работы, как настоящая восточная женщина: сначала в декрет, а позже он что-нибудь придумает, будьте уверены!

* * *

«Будьте уверены, – сказал ей тогда закройщик в ателье, вовсе не старый, как она себе его представляла, а молодой плечистый парень, – это платье будет единственным в своем роде!»

– Да-а-а… – задумчиво протянула она, коснувшись шероховатых и одновременно шелковистых кружев и с неохотой закрывая шкаф. – Жаль!

Катя где-то читала, что в Америке есть традиция передавать свадебные платья по наследству: их хранят, а потом слегка перешивают, подгоняя под очередную невесту. Или же невест специально подбирают под размер имеющегося платья? Потому что как, например, можно подогнать платье сорок шестого размера на пятьдесят восьмой? Это обратно запросто, а когда с трепетной лани да на слона…

– Кать, ужинать иди!

– Иду! – откликнулась она и окончательно захлопнула дверцу. Лучше ничего не говорить Тиму о том, что она будет хранить платье, чтобы передать его потом дочери или невестке, потому что Тимка сразу же переведет стрелки на то, что у

них до сих пор нет ни дочери, ни сына! А еще лучше – обоих сразу, хотя со свадьбы прошло всего три месяца! И вообще, она не собирается…

– Ты чего надутая такая? – Тим сгрузил на ее тарелку дымящуюся отбивную и целую гору картофельного пюре. – Я тебе тост зажарил!

– С картошкой? – саркастически осведомилась она. – Тимка, ты каждый день зажариваешь мне тост, хотя прекрасно знаешь, что я не буду есть его с картошкой! И с макаронами тоже! И даже с пельменями не стану! Тем более с этими… как их… хачапури?.. Хинкали! И с пиццей я тоже хлеба не ем! И не заедаю им роллы! И зря ты покупаешь хлеб и вообще мучное в таком количестве!

– Давай-ка я тебе действительно температуру измерю! – озадаченно сказал доктор Тимур Тодрия. – Что-то ты слишком раскраснелась…

– Тимка, прекрати! – воскликнула она и в забывчивости откусила кусочек тоста. Тот был прожарен как раз в меру и не в меру был намазан сливочным маслом. Словом, сказка, а не тост. Он просто таял во рту, а в обед она ничего не успела, потому что думала, что еще успеет, но как-то все закрутилось, и к тому же Бухин посетовал, что забыл дома коробку с обедом. А у нее еще аппетита не было… А откуда, спрашивается, ему взяться, если она была только из морга, от утопленника, который месячной свежести, и патологу как раз вздумалось подробно обсуждать содержимое его желудка?! И она сказала, что Сашка вполне может взять половину, чего Тим ей наготовил, а Тим всегда накладывает столько, что просто ужас, и она ест, ест… И куда ей столько съесть?! Да, и когда она наконец явилась, оказалось, что Бухин съел все! Задумался и съел. Ну и на здоровье, конечно, тем более, как выяснилось, Тим положил ей только фруктовый салат, как она и просила, – в кои веки сделал так, как она просила, а не натолкал туда десяток оладий! И стакан сметаны! И она хотела спуститься и купить себе пирожок, но тут пришел Лысенко и ни за какими пирожками она, конечно, уже не пошла… Ни за теми, что с капустой, ни за теми, что с картошкой… Господи, она и хлеб, и пюре – все смела подчистую! Хотя собиралась только салат из морской капусты к мясу, и все! А картошку сгрузить обратно в кастрюлю, как только Тим отвернется! А Тим не отворачивается и почему-то так на нее смотрит… Как все-таки хорошо, когда мужчина умеет готовить! Надо наконец сказать ему это… или не надо?

– Все хорошо? – спросил Тим.

– Угу! – пробурчала она неопределенно, потому что набила рот до отказа. И мясом, и салатом, и подчищенными остатками картошки, от которой толстеют.

– Ты сегодня хоть пообедала, а?

– Угу…

– Кать, нельзя так над собой издеваться…

– Я пообедала! – быстро сказала она. – Там был фруктовый салат! Очень вкусный! Спасибо!

Он немного угомонился, тем более что она не выкинула картошку в кастрюлю и не отодвинула тост, а готова была, кажется, еще и добавки просить. Он любил смотреть, как она ест: изящно и аккуратно, даже когда очень голодна. А она сегодня была очень голодна – он бы голову дал на отсечение! Он был специалист как раз по головам, нейрохирург, и когда-то видел, что у нее там, внутри, под аккуратно наложенными им лично швами… хотя это – то, что внутри – просто форма существования белковых тел, одинаковая у всех. Иное дело – почему одни люди тебя трогают, а другие оставляют совершенно равнодушным, хотя ты знаешь, что они достойные, и умные, и талантливые… и даже красивые! Но он почему-то любил только эту женщину, такую знакомую и даже предсказуемую. Вот сейчас она скажет: «Зачем ты в меня это все впихнул?»

– Зачем ты в меня это все впихнул, а? – недовольно сказала Катя, и он рассмеялся.

– Ну и чего ты смеешься? – недоумевала она. – И вообще, дайте мне десять пачек таблеток от жадности, доктор!

– Мадам! – Он сделал круглые глаза, с ходу принимая предложенную роль. – Вы только полчаса назад купили у нас пятнадцать упаковок!

– Ой! – сказала Катя. – Я перепутала анекдот! Это были не от жадности, а для похудения таблетки! И я не наелась…

– У нас есть еще печенье к чаю, – сказал Тим, все еще смеясь. – Прекрасное печенье из пачки, хотя на нем и написано «К кофе». Но кофе я бы тебе на ночь все-таки не рекомендовал!

* * *

«Я бы тебе все-таки этого не рекомендовал», – сказал Лысенко вчера, а она его не послушала, и весь день пошел как попало. Ничего она не узнала, только потратила кучу времени, устала как собака и пришла в ту же точку, откуда и начала. Даже хуже: время ушло, а она топчется на месте… и ничего не сдвинулось. От слова «совсем»! – потому что она очень упрямая… очень! Но иногда это помогает в жизни. Тоже очень. Только вчера не помогло… от того же слова «совсем»!

– Катерина, результат есть?

Опять этот телефон! Да еще и Сорокина в нем!

– Никак нет, Маргарита Пална…

– Так что же ты делаешь? – сварливо осведомилась Ритка Сорокина.

Кате хотелось сказать: «Груши околачиваю», – но груши вместе с другими фруктами вчера схарчил Бухин. Или никаких груш там и вовсе не было?

– Я работаю! – огрызнулась она.

– Работай-работай… девушка с двойной фамилией!

– Слушаюсь, товарищ фельдмаршал, – буркнула Катя.

– Что?.. – то ли не расслышала, то ли действительно не поняла следователь по особо важным, поскольку фоном в трубке шел какой-то рев: взлетал кто-то в прокуратуре или же садился? Скорее, конечно, садился, и сразу по нескольким статьям, – это Сорокиной раз плюнуть! Как и настроение на весь день испортить.

– Постараюсь, говорю! – заверила оперативник Скрипковская.

– Старайся! – припечатала прокуратура и угомонилась. На время, конечно.

Ноябрьский день снова начал исчезать, не успев начаться. Серость за окном, серость, в которой ничего не понять в этом чертовом деле… Уехать бы куда-нибудь – улетают же птицы в теплые края? Однако отпуск потрачен полностью, и никто ее не отпустит. Даже на неделю. Да какую там неделю! Даже на три дня! «А если заболеть? – вкрадчиво поинтересовался внутренний голос. – Кругом же грипп!» А что, это идея! Вот и Тим вчера ее щупал и говорил, что она как-то подозрительно раскраснелась. Нет. Если она сейчас уйдет на больничный, который, разумеется, легко могут организовать ее новые родственники и помимо ведомственной поликлиники, Сорокина просто взбесится. А Лысенко обидится. Да и Тим скажет, что в их бюджете поездки в теплые края так часто не предусмотрены, хотя денег им на свадьбу надарили будь здоров, она даже не ожидала! Ох… надо же действительно что-то придумать для Сорокиной! А то сегодня четверг, завтра пятница, а там и выходные! А Ритке все равно, выходные там или государственные праздники, – она на шею сядет и не слезет от конечной до конечной! Да, пятница уже завтра! Вот и хорошо, что пятница! Маленький, но праздник. Лысенко поведет свою драгоценную Кирюху в кукольный театр, а они с Тимом… ой, нет, только не к его родителям! Что это за мода такая – каждые выходные к родителям? Ладно, пока еще тепло было, на дачу, там хоть спрятаться было можно: на речку пойти или как бы в лес по грибы, – а сейчас что у них делать? Все семейные фото пересмотрены, она уже стала различать их грузинских родственников! И даже отличать женщин с усами от мужчин без усов!

– Сашка, ты что на выходных делать будешь? – грустно спросила Катя у напарника, потому что ей самой, похоже, таки грозили выходные со свекровью под шарлотку и бесконечные намеки, что «прошло уже так много времени, а мы еще не качаем на коленях внуков»! Да и про работу ее непременно что-нибудь этакое ввернут. Да гори она огнем, действительно, эта работа! И особенно безнадежное сорокинское дело!

– Мы с девчонками в кукольный театр идем! – бодро доложил Бухин.

– Вместе с Лысенками, что ли?

– Ага!

«Осталось только мне кого-нибудь родить, – внезапно подумала Катя, – и будем ходить все вместе!» Нет, вместе у них не получится. Потому что пока она соберется с духом и действительно забеременеет, лысенковская Кирюха, бойкая до невозможности, наверняка выскочит замуж и нарожает Игореше внуков! Или Сашкины Даня и Саня, их с Дашей близнецы-двойняшки, кого-нибудь сообразят! Девчонки, они на это дело быстрые… все! Кроме нее! Она лично вообще не понимает, как это: уйти с работы и сесть дома с ребенком! Что она будет целыми днями делать с этим самым ребенком?! Который лет до двух даже разговаривать с ней не сможет?! Зато будет звонить свекровь и разговаривать… это уж как пить дать! Советы давать! Ценные! Или являться с проверками! Нет ли у ее дорогого внука диатеза или еще чего-нибудь по Катиному недосмотру, а она, то есть Катя, и не мать ему будет, а просто выносивший для них долгожданное продолжение инкубатор! Кстати, что такое диатез?

– Саш, что такое диатез? – тут же спросила она, потому что не любила неясностей. Никаких. Ни в отношениях, ни в делах, ни в жизни. Особенно по четвергам и накануне пятницы!

– У Даньки – на апельсины, а у Саньки – на шоколад! – объявил Бухин. – Поэтому не даем ни того, ни другого! Одной дай – вторая орет, а порознь они никогда не бывают!

– Так это что, пищевая аллергия? – пыталась прояснить проблему до конца Катя.

– А тебе это зачем? – Бухин почему-то ответил вопросом на вопрос, и Катя совсем расстроилась.

– Низачем! – буркнула она.

Действительно, зачем ей про диатез? Ей надо план оперативных мероприятий по сорокинскому делу быстро придумать, а она почему-то думает совсем в другую сторону! Про кукольный театр, детей, внуков, инкубаторы и диатез! Еще даже в декрете не сидела, а мозги, похоже, уже начали усыхать!

Катя открыла файлы по делу и уныло принялась изучать их. Зацепиться больше не за что. Все, что могла, она и так сделала! И даже больше, учитывая

вчерашнюю вылазку! Что Сорокина от нее хочет, чтобы она выше головы прыгнула? Сама пускай думает, на то она и важняк! А Катя даже не может ни одной пристойной версии выдвинуть, что ее свекрови было нужно под их умывальником, кроме как обследовать, все ли там чисто! Вон, Тим и то сказал, что она колготки свои рассматривала – все ли в порядке! А Катя даже не заметила, были на свекрови колготки или нет, – у нее была своя версия, и точка! Как у Ритки Сорокиной, которая если что-то придумала, так и козловым краном ее не сдвинешь! А может, действительно она ничего там не рассматривала? А у нее спину прихватило, и она делала упражнения на растяжку, вот! Прекрасная версия! Жаль, с сорокинским делом так просто нельзя… нет там никаких версий! Одни только допущения с натяжками, они же растяжки! Дохлое дело, но как Маргарите Палне это втолковать?!

– Скрипковская, она же Тодрия, ты там сильно занята?

– Совсем не занята, если честно, – откровенно сказала она в трубку, хотя Игореша теперь был как бы начальство: пока и. о., но там, глядишь, и приказом назначат… Лысенко явно идет в гору!

– Ну тогда иди, я тебя нагружу! – весело пообещал он.

– А Сорокина как же? – уныло спросила Катя. – Она мне только что звонила! Только я тебе сразу скажу: там дело тухлое. Моей фантазии не хватает. А что она от меня хочет, я не знаю!

– Ты иди, – загадочно произнес Лысенко. – Может, я тебя больше развеселю!

* * *

– Мда… – сказала Катя. – А обещал – я тебя больше развеселю! И где тут веселье? Сплошной мрак и ужас!

– Ну так… работа такая! – Майор и и. о. подполковника развел руками. – Зато от Сорокиной отвяжешься! Или она от тебя. Правда, временно.

– Даже не знаю, что лучше! – Катя скривилась. – Все такое вкусненькое! И от всего диатез!

– У Кирки почесуха от шоколада, но она его так любит, что я просто не могу удержаться!

– Она любит, а ты удержаться не можешь? Где логика?

– В любви нет никакой логики! – отмахнулся Лысенко. – Я ее люблю, и все! И потом, Лилька ей все равно какое-то лекарство дает, потому что у нее от половины продуктов почесуха, но она ж не может ее из садика забрать и сидеть с ней дома!

– А почему? – заинтересовалась Катя. – У тебя ж индюки, и вы себе можете позволить…

– Нету у меня никаких индюков! – Игореша понизил голос и зачем-то даже оглянулся на дверь. – Нету!

– Да ладно! – Катя махнула рукой с золотым ободком обручального кольца – новенького кольца, еще не исцарапанного и не потертого. – Все знают, что на самом деле они у тебя есть!

– Лилька ни за какие коврижки не станет дома сидеть, – сказал пугливый владелец противоправной индюшиной фермы. – У нее работа!

– У меня тоже работа, – пробормотала Катя. – Только никто с этим не хочет считаться!

– Что, уже семейные радости пошли? – поинтересовался прозорливый начальник.

– Да так… – уклонилась Катя. – Пока что мелкие недоразумения!

* * *

– Это все – мелкие недоразумения! – твердо заявила ей утром Сорокина и бухнула на стол пачку распечаток. – Вот! Работай! Вечером доложишь! Оно все стыкуется, жопой чувствую! – добавила неугомонная следачка, от которой Лысенко вчера так легкомысленно пообещал ее избавить. Как же! Не родился

еще тот опер, который бы отвязался от Ритки! Чтобы от нее отделаться, нужно либо помереть, либо… «Нет, только не в декрет! – ужаснулась Катя. – Я пока не готова». Да, она точно не готова! Хотя почему-то эта мысль стала посещать ее все чаще и чаще! Почему? Может, Тим ночью на нее смотрит и нашептывает прямо в ухо? Что-то она слышала про такой вот гипноз. И с него станется!

Катя уныло посмотрела на гору бесполезных бумаг: хотя Сорокина и чувствовала здесь нечто весьма важным для прокуратуры органом, Катя, со своей стороны, считала, что они все равно ничего не докажут. Потому что хитроумный подозреваемый попросту не оставил следов. Или подчистил все так, что ни Сорокиной, ни тем более Кате, опыт которой просто не позволял решать такие задачи, найти ничего не удастся. А понять, где то место, в котором спрятано решение, она не может. Ну не ясновидящая она, и все тут! И вообще, ее уже через два часа Тим ждет! Они договорились сегодня устроить маленький праздник. Сходят в свое любимое кафе, потанцуют, а потом вернутся домой и, возбужденные музыкой и романтической обстановкой, займутся любовью… Об этом, конечно, они не договаривались, но… так оно и будет! Потому что так должно быть и потому что она этого хочет. А вот в декрет не хочет ни за какие коврижки. Как и браться за сорокинские измышления. Да, а если у них с Тимом вдруг появятся дети, они уже не смогут никуда ходить! И заниматься любовью тогда, наверное, они будут очень тихо, поскольку…

– Да что ж я зациклилась на этих детях!.. – в сердцах воскликнула Катя и так брякнула казенной мышью о стол, что несчастное электронное животное едва не испустило дух.

– На каких детях? – тут же живо поинтересовался Бухин. – Дети – это хорошо!

– Ты так думаешь? – Катя бросила испытующий взгляд на напарника. – Ты сам едва живой приплетался, когда у вас двойня родилась, не так, что ли? Рассказывал, что в туалете от них прятался! И на ходу просто спал! И даже радовался, когда они к бабушке уезжали!

– Ну, так они ж уже почти выросли! – легкомысленно заявил Сашка, у которого, видимо, память была короткой. – Это первые… ну, округлим до двух лет, тяжело. А потом…

– Ага. Это как в колонии строгого режима. Два года тяжело, а потом втягиваешься! – мрачно пошутила Катя. – Сейчас все в порядке, да? В садике не дерутся, соплями не болеют, из платьев не вырастают, игрушек не надо… Кстати, я тут недавно цены на игрушки увидела и ужаснулась просто! А у тебя ж еще все в двойном размере!

– Катька, я не понимаю, – покачал головой проницательный Бухин, – ты меня уговариваешь, что дети – это неподъемная ноша, или себя? Так у меня они уже есть, никуда не денешься! А ты не заводи, если не хочешь. Ты ведь не хочешь, так?

– Кажется, не хочу… – осторожно сказала она. – Это… это ненормально, да?

– Я не психолог! – отрезал Бухин. – И не знаю, нормально это или нет. Тем более ты женщина. Это тебе беременной ходить и рожать. Это больно… и вообще опасно! Хотя ты опер. Беременность – это только девять месяцев. А опер… это… ну, не на всю жизнь, но очень надолго! – припечатал он. – И у тебя, как у опера, уже были опасные моменты!

Бухин явно намекал на то, что несколько лет назад ее едва не убили. Выжила Катя чудом… и вряд ли какие-то там роды опаснее! Но он, кажется, озвучил главное – она не хотела. Ни ходить с огромным животом, ни рожать. А вдруг будет двойня, как у Бухина с Дашкой?! Это просто ужас! Нет, она точно не желает всего этого! Она хочет приходить домой, где тишина… и Тим… и чтобы он был ее, а она – только его…

– Ну, выяснила чего-нибудь?

Лысенко появился так внезапно, что она буквально подскочила на стуле. Или это он ввалился, как всегда, особо не церемонясь, а она попросту не заметила? Замечталась о Тиме, о сегодняшнем вечере, о жизни, где только они вдвоем, а тут, оказывается, кроме них еще полно народу!

– Нет! – буркнула Катя. – Не выяснила! Потому что Сорокина никуда не делась! Загрузила по самое не хочу! Ты же обещал освободить меня от нее? А она опять с утра: снова здорово! Я целый день бегала как заведенная, только ввалилась! – пошла Катя в наступление. – И все зря! Только ей этого не втолкуешь!

– До людей вообще трудно донести собственную точку зрения, – философски изрек Лысенко. – Ладно. Оставайся с Сорокиной.

– Что-о-о?! – изумилась Катя.

– Да мне себе дороже с ней ругаться! – пояснил новоиспеченный начальник.

– О господи! – простонала Катя. – Избавь меня от напрасной работы, потому что от другой я не отказываюсь!

– Ну вот и хорошо! – заявил Лысенко. – Потому что от другой я тебя не освобождаю!

– Игорь!

– А что Игорь? – полюбопытствовал тот. – Работы валом! Людей нет! Бурсевич болеет! Практикантов не дали…

– …а ты в начальники вышел, и тебе теперь некогда! – закончила Катя мысль друга.

– Вот когда ты в начальство выйдешь, сама поймешь.

– Я в начальство никогда не выйду! – Катя поджала губы. – У нас начальники сплошь одни мужики!

– Да потому что у баб то декрет, то больничный, то по уходу за ребенком! А потом по второму кругу, по третьему! А потом бац – и пенсия! – рассердился Лысенко в свою очередь. – А начальнику нужно все время на месте быть! Короче, вот тебе новые материалы и работай! – Он брякнул свою стопку рядом с такой же, полученной Катей от Сорокиной, и без дальнейших расшаркиваний покинул их с Бухиным обиталище.

У Кати внутри все кипело. И даже клокотало. И выплескивалось через край. Да она даже с гриппом на работу ходила! Не говоря уже о постоянных проблемах с головой после ранения! А теперь… теперь Лысенко такое заявил! И это после того, что она думала… считала… Катя проглотила горький комок, закусила губу,

чтобы остановить подступающие слезы, и отвернулась. Не хватало только, чтобы Сашка стал ее жалеть! Или чтобы она сама стала… Потому что все это – и сорокинское, и то, что притащил сейчас Игореша, – ее работа. Которую она сама выбрала и которую хотела. Сама хотела. Никто не подталкивал… Не нашептывал по ночам…

– Все! – сказала она и сдвинула все бумажки в одну сторону так, что получилась куча мала. – Хватит! У меня рабочий день окончен! Если мне положен больничный, я его возьму! Если завтра выходной, то меня никто не заставит выйти! Я даже телефон отключу! И послезавтра тоже! И из отпуска меня никто не отзовет! И… И вообще!..

Опомнилась Катя, только когда Сашка, усадив ее обратно на стул, стал осторожно промокать платком ее злые, неудержимые слезы, приговаривая так, как, наверное, он шептал своим расшибившимся двойняшкам:

– Ну все… Ну не плачь, Ка-а-ать… Все хорошо… все сейчас будет хорошо, а потом еще лучше! Все пройдет… заживет… у собаки боли?… у кошки боли?… а у Катьки не боли?!

– Ладно, Сань… – Она улыбнулась и забрала у него платок, потому что он, наверное, все на ее лице размазал. – Все уже хорошо! И у кошки и собаки тоже не боли?! Ни у кого не боли?! Спасибо, Саш… Это я так… развинтилась что-то! Наверное, просто устала.

* * *

– Устала? – спросил Тим.

Глупости! И не устала она вовсе! Разве от отдыха можно устать? Катя уже потянулась к мужу, чтобы доказать, что она совершенно ни от чего не устала, более того, сил у нее хоть отбавляй, но, вместо того чтобы провокационно стянуть с себя пижаму, она зачем-то запахнула байковый ворот и ткнулась Тиму куда-то в район подмышки.

– Спи! – сказал Тим. – Вот сейчас выключу твой телефон и завтра до самого обеда спать будешь! А потом пойдем подарки покупать.

– Зачем? – уже сонно пролепетала она.

– Скоро Новый год…

– Правда? Мне казалось, еще не скоро…

– И опомниться не успеешь! – заверил ее Тим. – Ты чего хочешь под елочку?

– Новый пистолет. Нигде не зарегистрированный и с кривым дулом. Чтоб застрелить Сорокину – коварно, из-за угла – и спать спокойно всю оставшуюся жизнь! – Катя вынырнула из-под одеяла, потому что ей внезапно стало жарко.

– С кривым дулом? Оригинально, конечно, но… я уже присмотрел тебе такое… интересное, но без кривого дула! Хочешь, расскажу? Нет, передумал, не скажу. Пусть будет сюрприз!

– Тим, ты хочешь, чтобы я теперь до самого Нового года не уснула?! Быстро говори что!

– Ни за что! Стреляй, комиссар, хоть даже из зарегистрированного… и даже из-под кровати! Все равно всех не перестреляешь! А твоей маме знаешь, что купим? Блендер! Это такая крутая штука…

– Я знаю, что это за штука! Только, если честно, я ей плед хотела. Клетчатый. Чтобы мягкий и теплый. И не синтетический, а обязательно шерстяной. А блендер ей не очень нужен, мне так кажется. И вообще, зимой надо дарить мягкое и теплое! И пушистое!

– Ну, может, ты и права… я твою маму люблю. Давай купим ей пушистое!

Кате показалось, что, если он сказал: «Я твою маму люблю», – теперь и она просто обязана произнести: «И я твою, Тимка»… Но… она этого почему-то сказать не могла. Не могла, и все! И не потому, что Лидия Эммануиловна была совсем не похожа на ее вечно причесанную кое-как и так же кое-как, не по моде, одетую, но уютную, теплую… совсем как тот клетчатый плед, который она собиралась ей купить, маму! Совсем не похожа! Потому что мать Тима была… как блендер! Блестящая, холодная и, наверное, чрезвычайно эффективная! С

КПД явно больше ста процентов!

Катя села в постели, потянув одеяло и оставив Тимов бок неприкрытым.

– Ты чего? – спросил он и недовольно завозился, отвоевывая свою часть одеяла обратно. Оно было достаточно большим, но, когда Катя волновалась, она инстинктивно подталкивала край одеяла под себя и так переворачивалась на живот. А потом сразу на бок, наматывая таким образом на себя почти все и оказываясь словно бы в коконе.

– На работе что-то случилось? – все не отставал Тим.

– Ничего, – вяло отмахнулась она. – Так, сорокинские штучки! И Лысенко тоже хорош… Только давай про это все сегодня не будем, а? Вот действительно, выключи ты этот чертов телефон, и завтра буду спать не до обеда даже, а до самого ужина! А за подарками в воскресенье пойдем! Твоей маме – блендер, а моей – плед. А твоему папе…

Она так и не придумала, что они купят его папе, потому что он ей однозначно нравился, и поэтому никакой блендер тут не годился. Тут надо было что-то душевное… и смешное. Или еще один плед? Потому что теплого много не бывает… особенно зимой! Тим не спал и смотрел на нее из темноты, и глаза у него были очень блестящие и темные. Как… у собаки? У нее никогда не было собаки, и, наверное, поэтому она сказала:

– Тимка, а давай собаку заведем?

Он тоже окончательно проснулся и сел рядом с ней:

– Собаку?

– Угу… собаку! Ты приходишь, а она тебя ждет!

– Закрытая весь день одна в квартире? – скептически осведомился муж. – Кать, это действительно будет собачья жизнь! И потом, ты представляешь, как мы утром встаем, ничего не успеваем, бегаем, собираемся, все время что-то ищем, а тут еще и с собакой гулять? А ее ведь и днем выводить надо! Обязательно! И

учить, дрессировать, иначе она вырастет тупая. Но даже если она не вырастет тупая, она все равно может грызть твои туфли, и выть от одиночества, и облаивать всех, кто будет ходить мимо двери, и линять, и…

– У тебя что, была собака? – удивилась Катя. – И она выла, линяла и жрала туфли Лидии Эммануиловны?

– Нет, у меня не было, но у Томки была. Она выла, и жрала, и залезала в постель, когда никого не было дома, и однажды от скуки разодрала диван, хотя у нее было навалом игрушек. Но Томка все равно любила это чудовище, хотя ее нужно было с кем-то оставлять на время отпуска и гулять с ней в любую погоду, даже когда у тебя самой температура сорок или острый аппендицит! И она ужасно горевала, когда собака умерла, и даже не могла ходить в магазине мимо отдела, где продаются собачьи миски и ошейники, потому что начинала плакать.

– О господи! – с чувством воскликнула Катя и прижалась к Тиму.

– Да. Поэтому, если ты очень хочешь какое-то домашнее животное, давай лучше…

Кате на мгновение показалось, что он скажет «Давай лучше заведем ребенка», но муж закончил:

– …кота. Он спит почти весь день, и с ним не нужно гулять. Хотя, если ты очень хочешь, можешь водить кота на шлейке. Или купить ему ошейник с бубенчиками, и он будет сам себя веселить…

– …и драть наш диван…

– …который могла бы съесть собака…

– …и он будет спать в нашей постели, а нам тут и так тесно!

– Ага! И одеяла не хватает!

– Слушай, ты серьезно так думаешь? Ну, не про одеяло, а про кота?

– Мне кажется, тебе действительно лучше бы подошел кот. Ты так любишь этого страшного… лысого… который Афиноген! Просто хочется отвернуться, когда вы с ним целуетесь, потому что ты даже со мной не целуешься так… интимно!

– И вовсе он не страшный! – с некоторой обидой сказала Катя, напрочь проигнорировав выпад про интимное. – Он просто чудный! Волшебный. Он инопланетянин! Но он единственный в своем роде и неповторимый, поэтому лучше я иногда буду ездить к нему, чем заводить тут неизвестно кого. Потому что ты не любишь лысых и выберешь какого-нибудь волосатого. Который точно будет линять где попало. И выклянчивать у меня сосиски, когда будет сытый, а я – голодная! Нет, я, пожалуй, не хочу никаких домашних животных. Даже улитку в аквариуме, как у Машки Камышевой. Или попугайчиков. Они такие шумные! У нас были. Спасу от них не было, только и делали, что лузгали просо и орали! Мама их купила, чтобы у меня было счастливое детство!

– И у тебя было счастливое детство? – спросил Тим, улыбаясь своими удивительно теплыми и светящимися глазами совсем рядом.

– Да. У меня было счастливое детство… особенно счастливое после того, как мы сплавили этот разноцветный курятник в школу, в живой уголок!

– Я вижу, мадам Тодрия, вы совершенно не склонны к ведению домашнего хозяйства! – прошептал Тим ей в ухо, и ей стало щекотно и весело.

– Не склонна! – подтвердила она. – Только знаешь, как говорит Приходченко: «Бачилы очи, що купувалы!»

– Это точно! – подтвердил Тим, и Катя внезапно обнаружила, что пижамы на ней почему-то уже нет.

* * *

Утром она пожалела, что на ней не оказалось пижамы, – было холодно, а телефон, засунутый ею в такое место, где даже Тим не смог его найти и выключить, звонил и звонил. Она схватила первое попавшееся под руку – футболку Тима и, на ходу натягивая ее и чертыхаясь, стала искать источник звука. В этот-то момент он и замолчал!

– Чтоб тебя черти забрали! – пожелала Катя трубке, но черти, видимо, тоже отдыхали после трудовой недели, потому что, когда она повернулась спиной к месту, откуда исходил звук, он грянул снова.

– Да! – бросила она в трубку, которую нашла наконец на стуле, где были свалены ее сумка, штаны, свитер, еще один свитер – тонкий, парадный, в котором она вчера танцевала, а также трусы, лифчик и колготки. А еще все позавчерашние наряды, в которых она пришла с работы, и позапозавчерашние тоже. Нет на это все Лидии Эммануиловны – чтобы она сюда заглянула и скептически хмыкнула! А потом еще и взяла все это брезгливо через бумажку, словно паука, и с торжествующим криком «И-и-и!» спустила бы с балкона!

– Да! – повторила она в трубку. – Говорите!

– П-простите… – Голос был юным и смущенным. – Катя?

– Она самая! – Катя поежилась и накинула на футболку свитер – вчерашний или позавчерашний… а может, и самый нижний – позапозавчерашний, потому что куча ее одежды была вся перевернута в поисках мобильника и она теперь не смогла бы сказать, какой именно. Кроме того, она совершенно не могла идентифицировать голос, и, похоже, на том конце также испытывали замешательство.

– Мы вчера с вами танцевали…

– Да? – удивилась она.

Танцевала она исключительно с Тимом… нет, не только… Еще ее два раза приглашал какой-то солидный мужик, выше нее на целую голову: один раз она с ним пошла, а во второй вежливо отказалась… Но почему это он теперь ей домой звонит?! Да еще и таким голосом, будто ему от силы лет пятнадцать?..

– …и вы мне дали свой телефон… и попросили позвонить…

– В шесть утра? – ядовито поинтересовалась она.

– Да. В шесть. Только я проспал. Простите! И сейчас уже половина седьмого, но…

– Молодой человек! – рявкнула Катя. – Это уголовный розыск! И если вас вчера разыграли и дали вам этот телефон…

– Ты чего кричишь на весь дом?

Она замахала на Тима рукой, и с нее свалился свитер. Однако Тим, кажется, все понял и быстро накинул на нее одеяло, а затем, заткнув уши, сидел рядом все время, пока она разорялась. Вскоре она иссякла и в сердцах кинула трубку в груду мятых вещей.

– Идиот! – выдохнула она. – И какая-то идиотка его разыграла! Но почему мой? Почему это оказался мой номер?! Когда я раз в жизни собиралась спать до обеда!

– До ужина, – напомнил Тим. – Ты вчера сказала, что будешь спать до ужина.

– Нет, – вздохнула Катя. – До ужина я спать не смогу. Потому что я хочу ужинать прямо сейчас!

* * *

«Прямо сейчас, – сказала ей Наташка, – приезжай прямо сейчас, если можешь. Это не телефонный разговор. Это… очень важно, Кать!»

В субботу вечером, в конце ноября, когда на улице льет ледяной дождь, а дома так хорошо и уютно и, слава богу, никто больше не позвонил… И ты только расположилась, чтобы, укутавшись с ногами, почитать, или просто бездумно щелкаешь мышью и перескакиваешь с одной новости на другую, особо ничем не интересуясь: это как раз и называется отдых, – или даже пасьянс раскладываешь, или… Но Наташка – ее лучшая подруга… единственная подруга, если на то пошло! И она хочет, чтобы Катя приехала сейчас. Сейчас!

– Тим, мне надо к Антипенко! – сказала она, и Тим, хлопотавший на кухне с тем самым ужином, до которого она сегодня обещала спать, удивленно вскинул на нее глаза:

– Что, прямо вот так немедленно?

– Ну… я так понимаю, там что-то срочное.

– Хочешь, я тебя отвезу?

Разумеется, она хотела, чтобы он ее отвез, но бросить все, что так аппетитно пахнет на плите, и идти полтора километра к гаражу в ветер и дождь? Когда на свете существует такси?

– Я сейчас машину вызову! – сказала она решительно. – Тебе ехать совершенно не обязательно.

– Кать, вечером за город на такси? Это два тарифа как минимум. И как обратно? Опять два тарифа?

– Скорее всего, я там и останусь. Какой смысл возвращаться ночью?

– Действительно, какой смысл возвращаться ночью? – заметил Тим. – Когда тебя дома ждет муж и даже волнуется! И вообще, я так понимаю, все это сверхсрочное могло и до завтра подождать!

– Не сердись… – Катя обняла того, кого любила всем сердцем. – Ну не сердись, пожалуйста! – Она прижалась щекой к его недовольной спине. – Наверное, не могло. Если Наташка говорит, что важно и срочно, значит, что-то случилось… Надеюсь только, что не с ней и не с Антоном!

* * *

– Успокойся, – с порога сказала подруга. – Не со мной и не с Антоном!

Таксист заломил такую несусветную цену, что Катя ни за что не призналась бы Тиму, что надо было сделать так, как он предлагал: поужинать и спокойно прогуляться до гаража вдвоем. Да, а потом Тим сидел бы тут «как засватанный» – так выражается Катина мама, – то есть надувшись неизвестно на что, и ей было бы неловко, и она торопилась бы уехать с ним обратно… словом,

не смогла бы ни выслушать Наташку, ни вдумчиво вникнуть в проблему.

– Это Антохин племянник, Илья. Сейчас мы тут с тобой немножко выпьем для храбрости и для сугреву, а то ты какая-то озябшая, и я вас познакомлю. То есть он не совсем ему племянник, если точно, это сын Антошкиной двоюродной тетки. Ну, которая теперь в Новой Зеландии. Поздний ребенок – тетка, я имею в виду, потому Антоха всю жизнь называл ее сестрой. Поэтому он не племянник ему выходит, а кто? Брат? Или все-таки племянник? Как это называется, когда тетка двоюродная и не тетка вовсе, а сестра? Она потом второй раз вышла замуж и уехала… В Новую Зеландию. Говорят, красивая страна… хотя она как раз к делу и не относится. Кстати, Илья тоже Антипенко, потому что мать его фамилию не меняла и сына тоже на нее записала…

– Угу… – сказала Катя, не совсем соображая, при чем тут и фамилия, и выяснение степени родства, и красивая страна Новая Зеландия. Да пусть этот племянник или брат будет и не Антипенко вовсе, и совершенно чужой, хоть с Северного полюса! – но если ему нужно как-то помочь, чтобы подруга успокоилась, она, разумеется, сделает все, что в ее силах!

– Он своеобразный человек… очень замкнутый, но с Антошкой у него всегда был какой-то особенный контакт. Понимаешь?

Честно говоря, Катя пока ничего не понимала. Константой была разве эта самая Новая Зеландия – красивая и далекая… Интересно, там тоже бывает такая жуткая погода? Она послушно сделала глоток вина, хотя предпочла бы чашку горячего чая. Но Наталья сегодня и сама какая-то особенная… И что такого приключилось с этим замкнутым братом-племянником Ильей, которого ей почему-то не спешат показывать? Или Наташка и сама не знает, с чего начать? В криминал этот двоюродно-непонятный племянник впутался, что ли?

– Приехал, сказал два слова – и опять молчит! Через два часа – еще. Я Антоху потихоньку вызвала и говорю – Катерину сюда нужно! Может, ему постороннему человеку легче будет все рассказать?

– Он что, убил кого-то? – неосмотрительно ляпнула Катя. – И теперь нужно труп спрятать?

– Кать!..

– Ну прости…

– Мне кажется, если бы он убил кого-то, то уж точно к нам не приехал бы, – задумчиво протянула Наталья. – Но он даже с Антохой говорить не может! А ведь всегда с ним только и откровенничал! Даже когда жениться собрался, приезжал. С невестой нас познакомил… Эта Жанна мне сразу не понравилась, но я-то тут при чем! Главное, что ему с ней хорошо! За него, знаешь, не всякая бы пошла. У него, у Ильи этого, какое-то сложное неврологическое расстройство… что-то типа аутизма, я точно не скажу. Проблемы с общением, да и с обучением в школе не все в порядке было, но… он очень талантливый, очень! Занимается дизайном и рекламой, и сразу все пошло, ну прям сразу! Антоха говорит, это потому, что тут его недостатки сразу стали достоинствами: нестандартное видение, яркие образы… Ну, это сейчас к делу не относится. Антошка тогда очень гордился им и всегда во всем старался помочь, но Илья, даже когда еще мальчишкой сопливым был, помощь принимал далеко не всегда. Да… а уж когда его посадили…

– Он что, в тюрьме сидел? – вынырнула из внезапно нахлынувшей на нее полудремы от теплоты камина и согревающего ее изнутри вина Катя.

– Да, сидел! Бизнес, можно сказать, отобрали, да еще и подставили! Мы с Антоном поздно узнали, уже ничего сделать было нельзя, да он, дурак, и сам не захотел, чтобы Антон нанял кого-то, чтобы это дело по-новому раскрутить и пересмотреть! Так и отсидел ни за что…

«Значит, было за что! Любой человек такого бы не стерпел, даже если и не совсем нормальный», – подумала Катя, но озвучивать вслух не стала. Наташа сильно волновалась и явно верила в то, что говорила, а значит, копаться во всем нужно в любом случае. Но что все-таки случилось с этим самым Ильей, которого она до сих пор так и не увидела? Может, он и с ней тоже говорить не пожелает? Ну, если так, то не лучше ли это будет для всех? Не-ет, никого это не успокоит! Особенно Наталью с Антоном!

– Девочки, можно к вам? Катюша, мой племянник Илья… Илья, это Катя! Я тебе о ней рассказывал!

– Здравствуйте, – сказала Катя осторожно.

– Здравствуйте, – эхом отозвался мужчина.

– Ну… вы поговорите тут, а мы пока пойдем.

– Хорошо! – согласилась Катя. – Мы поговорим!

Они остались вдвоем. Илья Антипенко, племянник Антона, стоял у камина, полуотвернувшись от нее, и говорить явно не собирался. Он безучастно смотрел на огонь, сложив на груди руки, и Катя внезапно рассердилась. «Лорд Байрон в лучшие годы! – сердито подумала она. – Мне что, его собственную проблему клещами из него тянуть придется? Или он думает, что я ему тоже родственница или по гроб жизни обязана?»

– Кхм… – поощрила она своего визави. – Так что с вами случилось?

Мужчина будто впервые в жизни увидел ее – так он, казалось, был удивлен.

– Наверное, мне не стоило с этим приезжать сюда, – сказал он и снова замолчал.

– Почему? – спросила она почти грубо, когда пауза уж совсем затянулась. – Почему? Если вы доверяете Наташе и Антону, то приехали именно туда, куда нужно!

– Мне следовало сначала попробовать поговорить с другим человеком… но она не хочет со мной об этом говорить! Она вообще… на такие темы не разговаривает!

«Ого! – внезапно развеселилась Катя. – Еще есть, оказывается, какая-то «она», и эта «она» тоже ничего не хочет! Интересно было бы взглянуть на ту, что разговаривает еще меньше, чем этот родственник!»

– Наверное, нужно было бы пойти в полицию, но…

– Я и есть полиция, – хмыкнула Катя. – Далеко ходить не пришлось!

– Вы?! – изумился мужчина и впервые развернулся к ней лицом.

– Я. Вам что, Антон ничего не сказал?

– Наверное, сказал. Но… я плохо слушал. Я когда волнуюсь, то вообще ничего… – Он неожиданно замолчал прямо на середине фразы.

– Меня зовут Екатерина Скрипковская. Старший лейтенант, убойный отдел, – кратко проинформировала она.

Он все так же хранил молчание.

Обычно, когда она заявляла это, особенно про «убойный отдел», мужчины начинали глупо улыбаться или говорили: «Да?! А я думал, вы модель!» – или что-нибудь в таком же роде, а этот не только молчал, но даже и не улыбался! А… да, конечно, он вообще не любит полицию, она же бывшая милиция! Он же сидел! Такие не говорят комплиментов.

– Можно просто Катя.

– Да, Катя. А я Илья.

– Вы всегда такой общительный? – напрямую поинтересовалась она.

Он, казалось, ничуть не удивился и не обиделся. Сарказма, похоже, он тоже не заметил.

– У меня… проблемы с общением, – медленно проговорил он. – Особенно с новыми людьми. С незнакомыми. Мне с ними… неудобно? – не то спросил он сам себя, не то обратился к пространству.

– Что случилось, Илья? – уже мягче произнесла она. – Давайте сядем и поговорим, как будто… ну, представьте, что вы знаете меня с детства!

Он впервые улыбнулся. Он был очень красив, этот племянник Илья, и нисколько не похож на коренастого, внушительного и весьма располагающего к себе Антона Антипенко, хотя носил ту же фамилию. «Ну да… сестра двоюродная… а если Антипенко, значит, не просто оставалась на девичьей фамилии, как Наташка говорит, но, скорее, вернула ее после развода… потому как ребенок

поздний, а такие рождаются уже обычно во втором-третьем браке… Почему? Да потому что первый муж, наверное, был бесплодным, вот почему! Наверняка брак у нее с отцом этого Ильи второй, а с тем, что в Новой Зеландии, третий… И зачем мне сейчас нужны все эти ценные рассуждения на полях романа про сестру Антона Антипенко? – спросила она саму себя. – И какая разница, Антипенко он или нет и от какого брака… Хотя вот интересно, второй брак, видимо, тоже был с каким-то изъяном, и она знала, что разведется, иначе не записала бы ребенка на свою фамилию. А может, муж взял фамилию жены – редко, но бывает… Да, а фамильного антипенковского сходства – совсем никакого!» Мысли у Кати бежали быстрым сумбурным потоком, пока она рассматривала того, ради которого сюда явилась. Темные, как и у ее мужа, практически черные глаза – и при этом неожиданно светло-русые волосы. Очень правильное лицо, очень мужское – хотелось бы добавить ей, Кате, если бы она составляла его словесный портрет. Классический красавец, хоть в Голливуд отправляй: твердая линия подбородка, смягченная выразительной ямочкой, точной лепки скулы… губы, нос – все без изъянов. Прибавьте высокий рост, мощный разворот плеч… «Качался он, что ли, пока сидел?» – пришла ей в голову еще одна неожиданная мысль. Да, ее собственный муж тоже красив, но… Тим вечно какой-то взъерошенный, всегда куда-то бежит – то операция у него, то тяжелые больные после операции… И щетина у него вылезает уже через полдня, и после обеда он выглядит не как уважаемый всеми отпрыск почтенного медицинского семейства, а, скорее, как не вовремя разбуженный лесной разбойник! Катя усмехнулась собственному описанию мужа. Однако Тим все-таки живой и иногда даже излишне разговорчивый, а этот…

– Я не знаю вас с детства, – сухо сказал писаный, но при этом какой-то безжизненный красавец. – Но… поскольку вы все равно приехали…

Кате пришлось проглотить и это «все равно»: будто ее два часа кряду отговаривало все семейство Антипенко, а она тем не менее приперлась! Да еще и на ночь глядя!

– Я все равно приехала, – подтвердила она. – Я – близкая Наташина подруга. Очень близкая. Все равно как член семьи. – Тут она, конечно, слукавила, никакой она не член семьи… и даже не двоюродный! Но нужно же как-то сломать эту преграду, иначе этот Илья так и уедет, ничего никому не сказав. – К тому же вы ведь собирались пойти в полицию. Хотя вам явно не хочется туда идти. Потому что вы думаете, что от нас не будет никакой пользы. Даже от меня, хотя у меня, смею вас заверить, вполне приличные профессиональные навыки. И вы приехали

сюда, потому что вас что-то очень волнует. Иначе бы вы остались в том положении, в котором были. Потому что вы предпочитаете не копать, когда можно не копать. Значит, случай крайний?

– Да. – У него был такой вид, будто он собирался прыгнуть в ледяную воду. – Вы очень хорошо выразились. Случай крайний. Мою жену пытаются убить.

* * *

– Еще немного – и я сама попытаюсь ее убить! – заявила Катя в понедельник, с отвращением отпихивая как можно дальше от себя очередные требования Сорокиной. То, что прислала Маргарита Пална, вообще уже не лезло ни в какие рамки!

– Да?.. – рассеянно осведомился Бухин.

– Да! – припечатала Катя.

– Екатерина Александровна, поскольку я заехала в Управление, то подумала, почему бы нам не обсудить наши дела…

– О-о-о… – сквозь зубы еле слышно застонала служащая убойного отдела.

Важняк Рита Сорокина бочком протиснулась в кабинет, плюхнула свою объемистую суму прямо на стол старлея Скрипковской и извлекла из оной очередную стопку предписаний, версий и планов на всю ее, Катину, оставшуюся жизнь. Так, по крайней мере, Кате показалось.

– Ну, – проворковала пришедшая почти нежно, поскольку сегодня явно была в духе, – что там у нас прорисовывается?

– Хорошо… – выдохнула Катя. – Если уж на то пошло, я вам доложу, то есть обрисую начистоту, Маргарита Пална… Угу! Вот это, вот это и вот это, – она размашисто пометила желтым маркером, – вообще полный бред, и я этого делать не буду! Потому что не желаю зря государственные деньги тратить! Вот этот пункт, – она указала на подчеркнутое зеленым, – опасен для моей жизни, здоровья, карьеры и психики, и этим я тоже ни в коем случае заниматься не

стану! Ну и, наконец, вот это, главное! – Катя с наслаждением провела жирную черту ядовито-розовым: – Вот! На это вы, как мне кажется, возлагаете особые надежды! Однако смею заметить, что данное деяние подпадает аж под три статьи Уголовного кодекса, причем виноватой окажусь именно я, и поэтому это я тоже не буду выполнять! И последнее: если бы даже я пошла на все эти противоправные действия оптом или в розницу из каких-либо непонятных мне соображений, то все равно собранные таким манером доказательства никак не могли бы фигурировать в суде! И любой мало-мальски грамотный адвокат от всего этого беззакония и камня на камне не оставит!

Мадам важняк взирала на взбунтовавшийся приданный ей низший состав с таким изумлением, что, кроме невнятного шипения, не могла издавать больше ничего. Скрипковская! Скрипковская, черт побери! Которая сама лезла затычкой в такие противоправные бочки, только чтобы помочь доказать и наказать, вдруг разговаривает с ней не как сотрудница и временами даже сообщница, а… как какая-то бюрократка-проверяющая, по-другому не скажешь!

– Катерина, ты с ума сошла?! – выдохнула она наконец.

– Точно! – подтвердила Катя. – Сошла! И теперь буду делать все, как положено! Если не могу найти свидетельства преступления, то фабриковать их точно не стану! Если преступник умнее нас, пусть гуляет!

– То есть как это, – взвилась Сорокина, – гуляет?!

– Пешком! Дышит свежим воздухом! На каруселях катается!

– У тебя, Скрипковская, с головой явно не в порядке! – Прокурорская дама вскочила со стула и, сметая на пол все подряд, рванула к себе имущество.

– Точно. С головой у меня не в порядке! – согласилась Катя. – У меня по этому поводу даже справка есть! И если у вас все, – она собрала с пола разлетевшиеся листки, тщательно отобрала те, что принадлежали Сорокиной, и вручила их по адресу, – если все, то у меня еще куча других дел!

– Угу! – Следователь не глядя впихнула все внутрь. – Ладно! Я сейчас пойду к вашему начальству и…

– Именно этого я и хочу! – парировала Катя. – Чтобы это все увидело начальство! Чем незаконным вы меня склоняете заниматься!

* * *

– Ну и к чему такому незаконному она тебя склоняла?

– А ты что, сам не прочитал?

– Ну… она мне особо не показывала, но орала так, что до самой проходной слышно было! А потом рапорт накатала. На, полюбуйся!

Катя, вовсе не уверенная в том, что она хочет это читать, нерешительно взяла с лысенковского стола три убористо исписанные странички. Ого, ничего себе Сорокина на нее нажаловалась! Вот это да! Подробно, обстоятельно, с перечислением по пунктам всех Катиных промахов, начиная с той поры, как она пришла сюда практиканткой и с Сорокиной даже знакома не была! Ну и, соответственно, полрапорта занял список собственных регалий и заслуг, а то, что они, заслуги, у нее, важняка Сорокиной, имеются, это уж всякий знает! Как и промахи у невыносимой, неисполнительной, ленивой, тупой, слепой, безрукой и некомпетентной старлея Скрипковской, которая теперь к тому же еще и Тодрия! Между строк так и читалось, что с нее надо снять погоны, в судебном порядке отобрать все полученное за время службы жалованье, а потом еще и публично высечь розгами, чтобы другим неповадно было!

– Кто б сомневался в моем несоответствии!.. – буркнула Катя, задетая за живое, и брезгливо бросила докладную Сорокиной на начальственно блестящую столешницу. – И что теперь? Тебе еще один рапорт нужен? Об увольнении? Ладно, я готова!

– Я не готов! – припечатал Игореша, в этот момент до невозможности похожий на одного из своих любимых индюков: такой же надутый и недовольный. – Ты что, не могла сделать вид, что стараешься, а потом отписаться как-нибудь?

– Я не привыкла как-нибудь! – огрызнулась она. – Но если ты настаиваешь, могу накатать любую фигню под твою диктовку и ответственность!

– Кать… – Лысенко прекратил изображать из себя сокрушенное руководство и тут же потерял всякое сходство с фамильной птицей. – Я понимаю, что ты права на все сто, но и ты ж меня пойми! Мне тут, – он плавно обвел рукой кабинет со статусными регалиями, – ой как непросто! Кручусь… и нашим, и вашим! А ты нашла с кем свару затевать. С Сорокиной! С ней ссориться все равно что снотворное со слабительным пить: и не выспишься, и в дерьме по уши будешь!

– Уже… – тяжело вздохнула Катя, осознав глупость совершенного шага. И с прокуратурой поцапалась, и Игорешу подставила! А тут еще до кучи и непонятное дело с Наташкиным родственником! – Ладно, – со вздохом сказала она, – давай мне эти… сорокинские движения мысли. Буду думать, как что-нибудь выкрутить!

– Поздно! – Лысенко взъерошил свои белесые вихры. – Она уже от тебя отказалась. Категорически. Теперь ей Бухина подавай! Потому что он тихий, умный и, главное, исполнительный!

– Ой! – сказала Катя. – Честное слово, вот этого я не хотела!

* * *

– Я этого не хотела, – проговорила женщина и зачем-то оглянулась, хотя за ее спиной была глухая кирпичная стена без окон. – Я не хотела, чтобы Илья к вам пошел. Мне кажется… это просто цепь каких-то нелепых совпадений!

– Вы так считаете?

Позавчера Катя с трудом добилась какой-то внятной информации от ее мужа, а сейчас эта самая Жанна битый час все отрицает! И машина у нее испортилась случайно, ну и потом, затормозила же она, не разбилась? Кто мог машину испортить? Да никто не мог! Никого не подозревает: все вокруг не люди, а просто ангелы небесные! И с кофе тоже был случай вовсе и не странный – мало ли от чего продукты портятся? К тому же этот самый кофе она пить не стала, так что и говорить не о чем! Когда она обнаружила, что с кофе непорядок? Пошла в туалет руки вымыть, а когда вернулась, показалось, что от стаканчика с ее латте несет какой-то не то медицинской, не то химической дрянью… Ну, может, и стаканчик бракованный попался, все может быть! Нагрелся, и

завоняло…

– И куда вы его дели, кофе? – поинтересовалась Катя.

– Выбросила в контейнер для мусора. Наверное, все-таки в него что-то случайно попало, пока меня не было… Зачем рисковать здоровьем из-за каких-то тридцати гривен? – стараясь выглядеть легкомысленной, заявила Жанна.

Наверное, что-то попало в кофе отнюдь не случайно, как не на голом месте отказали и тормоза! Зачем же эта Жанна морочит ей голову? Или же она что-то скрывает, или этого всего в реальности не было и Жанна просто пытается привлечь к себе внимание мужа, который к ней, допустим, охладел? О тормозах и кофе все знают только с ее слов, но вот последний случай зафиксирован видеокамерами, и тут уж действительно есть о чем подумать!

Катя немного помолчала, рассматривая собеседницу: Жанна была практически ее ровесницей – или совсем не намного старше. Непроницаемые темные глаза, гладкие черные волосы, собранные в низкий блестящий узел. Минимум макияжа: густые ресницы свои, а не приклеенные, очень чистая матовая кожа, яркие губы… Темно-серое прямое английское пальто расстегнуто, под ним – белый пуловер под горло и серая юбка-карандаш. Мда… трудно выглядеть легкомысленной дурочкой, если не носишь широкие татуированные брови, а к ним ресницы полуметровые на магнитах и помаду с блестками, да еще и так одеваешься! Тебе бы, дорогая, в блондинку перекраситься, грудь до пятого размера накачать и губы уточкой сделать – глядишь, кто и повелся бы на то, что ты тупая от природы!

– Скажите, а в метро вас тоже случайно сбросили под поезд? – Катя не спускала с собеседницы глаз, но та, видимо, была готова к допросу с пристрастием: не моргала, не елозила, не отводила глаз, не терла нос, дышала ровно и спокойно… Такую попробуй поймай! Даже детектор лжи перед этой Жанной, наверное, спасует!

– Меня просто слегка толкнули, и я поехала на каблуках – пол-то там скользкий! И потом, я же не упала? Спасибо, конечно, тому мужчине, который меня схватил, – действительно могла бы свалиться!

Она не могла свалиться – она уже свалилась! Катя несколько раз просмотрела запись: широкоплечий мужчина, расторопный и очень вовремя подвернувшийся, практически за шиворот втащил Жанну обратно на платформу, а через несколько секунд в том месте промчался состав! Так отчего же она сейчас не желает признать очевидного? Ведь если бы случайный спаситель не действовал быстро или не оказался достаточно сильным, то она, эта самая Жанна, не сидела бы здесь с Катей сегодня и не делала бы вид, что ничего не происходит! Оглядываясь при этом на тень, скользнувшую по стене!

– Вашего мужа осудили за растрату чужого имущества? – неожиданно сменила она тему.

– Да… – Жанна все-таки заерзала, но представила это, будто поправляет сбившуюся юбку.

– А почему суд постановил избрать мерой наказания лишение свободы, а не штраф, например?

– Потому что Илья не признал свою вину… – нехотя сказала непонятная жена непонятного человека. – И вел себя на следствии не слишком умно. И… нам нечем было уплатить такой большой штраф, если честно.

– Но у вас же есть родственники, неравнодушные к судьбе вашего мужа. Почему вы не обратились к ним? И потом, если бы штраф назначили даже в максимальном размере, стоило ли это двух лет жизни в колонии? – безжалостно продолжала допытываться Катя. Ей не нравился Илья, из которого она почти ничего не вытащила, и эта Жанна ей тоже не нравилась! И если бы она не дала слово Наталье и Антону… – Суд мог пойти навстречу, тем более у вас был маленький ребенок…

– Да что вы меня об этом спрашиваете?! – вспылила Жанна. – Это ваша юрисдикция и ваш суд так распорядились, в конце концов! А он действительно был невиновен!

– То есть он чужих денег не брал? – осведомилась Катя.

– Я ему верю, – увильнула от прямого ответа собеседница. – И у нас ребенок тогда тяжело болел, все деньги на его лечение уходили… И мне некогда было во

все вникать, если честно!

– Сейчас вам тоже некогда вникать, я так понимаю, – парировала Катя. – Все случайно. Испорченные тормоза, отравленный кофе, попытка сбросить вас под поезд, когда не вышло с кофе, причем прямо на следующий день!

– Наверное, с кофе было все в порядке, но я была сильно расстроена историей с машиной, ее пришлось в ремонт сдавать, вызывать эвакуатор… И мне показалось, что кофе как-то не так пахнет… или это потому, что в туалете было такое мыло… пахучее? Наверное, все же именно так… мыло! А в метро я тоже все думала про свою машину: она только из ремонта была – и надо же, опять! Я снова огорчилась и поэтому случайно подошла слишком близко к краю!

– Ладно. Хорошо! Если вы и сами себе верите, значит, говорить нам с вами больше не о чем. Раз вы никого не подозреваете и считаете, что это у вас в роду! Как там у О'Генри в «Вожде краснокожих»: «…ничего такого хронического, кроме малярии и несчастных случаев»! А у вас даже без малярии! Одни несчастные случаи! И, несмотря ни на что, все хорошо и прекрасно! Простите, что отняла ваше время!

Кате, разумеется, нужно было бы прибавить: «Надумаете рассказать правду, обращайтесь», – но она почему-то не желала этой самой правды, которую ей не спешили показывать. И которую от нее тщательно прятали. Что ж, одни любой ценой жаждут докопаться до истины – даже ценой служебного несоответствия, – а другие эту самую истину хотят убрать с глаз долой… Значит, есть что скрывать! Только это не ее, не Катино дело, что бы эта самая холеная Жанна о ней ни навоображала! Думала, небось, что Катя ее будет уличать в несоответствиях, или уговаривать облегчить душу, или мужа с ребенком пожалеть? Нет… и это тоже не ее дело – жалеть чужих мужей! И разбираться в чужих некрасивых делах, тем более когда эти дела хотят спрятать как можно глубже и никому не показывать! Илья, муж этой молодой и красивой женщины, предпочел угодить за решетку, лишь бы что-то понадежнее скрыть. Но, выходит, тот же самый Илья считает, что у его жены нет никаких тайн, во всяком случае, ничего такого, что нельзя было бы рассказать другим. И он о ней действительно беспокоится, раз утверждает, что некие неизвестные хотят ее убить! Однако при этом не видит никакой связи с тем, что когда-то растратил чужие деньги, а теперь вот, возможно, таким способом его заставляют их вернуть? Антон говорит, что Илья очень умный и даже порядочный… Угу, и Илья умный, и Антон, и она, Катя, умная, а уж про Сорокину и говорить нечего! И тем не менее все они

совершают глупые, а местами даже и непорядочные поступки. Такие, что порой и сами этому поражаются… И не счел ли Илья свой приезд к родственникам теперь именно такой глупостью, и не дал ли обратный ход, решив утрясти проблему самостоятельно и велев жене все отрицать? Чтобы спустить потихоньку все на тормозах… которых нет! Черт ногу со всеми ними тут сломит! А заодно и мозги!

– Хорошо, – сказала Катя, вставая и черкая что-то для себя на использованной салфетке. – Простите, что отняла ваше время, – еще раз повторила она.

Жанна Антипенко с видимым облегчением поднялась, но Катя наметанным глазом заметила, что она снова рефлекторно обернулась. Однако за ними все так же никого не было, и кирпичная стена тоже была на месте. Толстая, надежная, ничего не слышавшая стена… Да и слушать тут было нечего, если честно!

Они почти одновременно сняли с вешалки в углу свою одежду и почти синхронно вышли на крыльцо, и тут Катя вспомнила, что не дала этой упрямой Жанне свою визитку.

– Если вы все же захотите со мной поговорить, звоните. – Она протянула замешкавшейся молодой женщине картонный прямоугольничек. Жанна размашисто стала поднимать воротник пальто, и Катя невольно посторонилась от ее маневров.

– Вот черт! – воскликнула та, зацепившись рукавом за серьгу и выдернув ее из уха. То, что произошло далее, Катя не забудет никогда: она слегка отодвинулась, чтобы не наступить на хрупкое ювелирное изделие, а Жанна стремительно начала нагибаться, чтобы поднять сережку, – и в этот момент грянул выстрел. Пуля просвистела буквально рядом с головой Кати и наверняка попала бы в эту глупую, упрямую курицу, если бы та не наклонилась за своим имуществом!

Катя рухнула в ноябрьскую слякоть сама и так шарахнула сумкой по ногам Жанны, что та вскрикнула и упала на колени.

– Лежите тихо! Не поднимайтесь! – прошипела Катя, шаря рукой и пригибая антипенковскую родственницу к самому крыльцу. Сейчас она жалела лишь об

одном: что на ней нет бронежилета и что она вообще во все это ввязалась! Раскаивалась она и в том, что обо всем непременно узнает Тим, а также его родители… и ее мама! Мама непременно узнает! И тоже скажет, что ей пора бросать эту работу!

* * *

«Возможно, мне действительно пора все это бросать? – подумала она, глядя на свои изгвазданные блекло-голубые джинсы и безнадежно порванную куртку. – Мне надоело падать и постоянно объяснять людям, что они не правы!»

– Ну что, убедилась наконец, что ты не права? – торжествующе сказала ей примчавшаяся на стрельбу в центре города Сорокина. А вечером то же самое, или почти то же, ей в категорической форме объявит Тим! Что она не права, и что нужно искать что-то более подходящее ее нынешнему замужнему статусу, и что вполне хватит того, что наркоман, пытавшийся раздобыть дозу, убивал ее при помощи молотка… А теперь вдобавок в нее еще и стреляли! И как уверить Сорокину, что стреляли не в нее, а в эту тихую с виду Жанну, молчком приткнувшуюся в углу? Когда дело это частное и ушлая и к тому же обиженная ею Маргарита Павловна ни о чем таком догадаться не должна? Как говорит Лысенко, сплошной когнитивный диссонанс!

– Вот они себя и выдали! И мы, судя по всему, на правильном пути! А поскольку у этого мерзавца алиби – он сейчас на работе, я сразу проверила, – то, выходит, тут целая шайка и преступный сговор!

Катя только махнула рукой, уныло разглядывая прореху на новенькой куртке.

– Вот ты куртку жалеешь, а он тебе чуть голову не снес! – злорадно утешила ее следователь. – И подружка твоя, наверное, напугалась!

Жанна сидела, отвернувшись. Она так и не оттерла как следует грязь со щеки и теперь невидящим взором уставилась в темное стекло, на улицу, где уже зажглись фонари и сияли лампы криминалистов.

– Когда меня отпустят? – спросила она у Кати шепотом.

Кате очень хотелось сказать, что никогда или, по крайней мере, до тех пор, пока она не вытрясет из Жанны всей правды. Но она стиснула зубы, поскольку рядом победно сопела Сорокина, заполнявшая бесчисленные формуляры и цукающая подчиненную ей команду.

– Вы-то хоть понимаете, что стреляли именно в вас? – спросила она злым шепотом. – Или снова станете рассказывать мне, что это просто совпадение?

На миг Кате показалось, что в глазах молодой женщины промелькнул ужас, но это длилось лишь долю секунды. А затем она сказала:

– Вы так думаете? Совпадение? Но мне кажется, что стреляли не в меня – кому я нужна? – а именно в вас! Напрасно я согласилась на нашу встречу! Пожалуйста, попросите, чтобы меня отпустили побыстрее – у меня, знаете ли, маленький ребенок и вообще семья!

* * *

– У тебя семья! – бушевал вечером Тим. – Семья! Не знаю, как для тебя, но для меня это слово значит очень многое! То тебя по голове бьют, то стреляют! Ладно, когда ты еще жила сама по себе, то могла собой распоряжаться! А теперь нас двое! А может, когда-нибудь будет трое! Но только ты этого не хочешь! Ты хочешь бегать с пистолетом по всему городу и играть в сыщики-разбойники!

Кате не хотелось говорить, что у нее и пистолета-то не было… Ей вообще сейчас не хотелось говорить. А еще ей очень хотелось, чтобы Тим не орал так, а просто сел рядом и обнял ее, и прижал к себе, и пожалел, и уложил в постель, и укрыл, и подоткнул одеяло… И она сейчас же разрушила бы всю уютную конструкцию, и вылезла бы из одеяла наполовину, и притянула бы его к себе прямо в свитере, и он бы сразу забыл, что хочет измерить ей температуру и принести чаю с малиной из сада Катиной мамы, которая, кстати, тоже против ее работы… Все, все против!

Она сидела, уставившись в темное стекло, – точно так же, как сидела два часа назад безучастная, закрывшаяся от нее Жанна… Глупая, как она не понимает, что в следующий раз она не свитер испачкает или колени разобьет – в

следующий раз ее непременно укокошат! Почему, почему она ничего не захотела рассказать ей? Один не умеет рассказывать, а другая не хочет! А теперь еще и Тим никак не угомонится!

– Не надо так кричать, Тимка, – упавшим голосом сказала Катя. – Я… я все понимаю! Только… только это не в меня стреляли.

– А в кого?! – совсем уж страшным голосом заорал Тим. – В кого?! Если, кроме тебя, там никого не было?!

– В племянницу Антипенко, – наконец выговорила она, не в силах больше молчать. Потому что Тиму можно было довериться. И потому что они действительно были семья… семья, и ничто другое, даже если у них никогда не будет детей! Никого не будет, кроме них двоих, – но они все равно будут семьей. Одним целым. Она так считает. Так чувствует. Вот только сказать об этом не может… сейчас особенно не может. Потому… потому что он ей просто не дает это сказать!

– То есть как – в племянницу Антипенко? – не поверил он. Или не до конца поверил, но хотя бы кричать перестал. И сел рядом с ней.

– Ну, помнишь, мы пару дней назад к ним ездили? – спросила Катя.

Да, во второй раз она уже не заговаривала о такси, и он отвез ее сам, хотя она неоднократно замечала, что он почему-то не любит бывать у Антипенко. Что ему там некомфортно. И с Наташкой он разговаривает буквально сквозь зубы. Да, с Антоном Тим вежлив, и даже что-то такое они вдвоем обсуждают, но… Наталью он не любит, это точно. И, доставив ее туда вечером, тут же поспешил откланяться, хотя его и уговаривали остаться. Тим уехал домой один, а она осталась… хотя у них семья. И она спала на огромной кровати в гостевой спальне одна, а Тимка спал дома один. Ночью она проснулась и привычно протянула руку, чтобы обнять его, но наткнулась лишь на прохладу простыни рядом. И на еще одну несмятую подушку. Которая не пахла Тимом… она ничем не пахла, кроме какой-то отдушки для белья. И в комнате было так тихо, так непривычно тихо и… одиноко? Да! Одиноко! Потому что она удивительно быстро привыкла, что он рядом: дышит, ворочается, когда она не может уснуть, иногда касается ее рукой, точно желая удостовериться, что она здесь, а не выскользнула потихоньку и не ушла на кухню курить… и просто никуда не

делась! И она всегда отзывалась на эти касания и прижималась к нему – всегда, даже если боялась разбудить его, ведь наутро ему снова оперировать и нужно выспаться… Да, она не любит оставаться одна где бы то ни было и знает, что он тоже не любит, но он почему-то уехал, хотя мог и остаться!

– Помню… – буркнул Тим.

– Я сейчас тебе все расскажу, только ты не кричи и не перебивай меня, хорошо?

– Чаю тебе сделать? – проговорил он, уже начиная оттаивать.

– Сделать! – обрадовалась она. – Если честно, я немного промерзла. Ну, там мокро было, где мы… упали, короче говоря. И у меня штаны намокли, и куртку я порвала, – сказала она, хотя он все уже видел: и ее новые джинсы, которые теперь хоть выбрасывай, потому что с такой светлой ткани грязь не отстирать никакими силами, и куртку, конечно. – Но лучше ты посиди со мной, Тимка!

– Да я и так сижу! – сказал он, но все-таки обнял ее за плечи. И прижал к себе. И поцеловал в волосы, и за ухом, и в шею…

И тогда она все ему рассказала. Все. Хотя рассказывать пока особо было нечего, потому что женщина, на которую три раза – нет, теперь уже четыре – покушались, ничего ей не поведала. В том числе о мужчине, с которым она жила и тоже всегда спала рядом – нет, не всегда… были же эти два года, когда он спал совсем в другом месте… куда никто не хочет попасть! И она спала одна или клала рядом их маленького сына, чтобы не натыкаться ночью на холодную подушку… чтобы рядом кто-то дышал! Спокойным, родным, теплым дыханием. От которого твоя жизнь становится важной и нужной. И это совсем не так, когда в одном помещении вместе с тобой дышат, и вскрикивают, и храпят, и скрипят зубами еще восемьдесят чужих мужчин, осужденных за разные скверные дела… Она говорит, что он ничего такого не делал, что его посадили напрасно. Но Антон утверждает, что он всегда был странным, его племянник Илья!..

* * *

Он всегда был странным, сколько себя помнил. Странным ребенком, который вырос в странного взрослого. Который вырос, но не перестал слышать слова и

музыку одновременно или слышать музыку и видеть при этом целые симфонии цвета. Как бы он хотел объяснить хоть кому-то, что это так же просто, как видеть и слышать фильм, например! Никто ведь не удивляется, когда вечером, на закате, вдруг вспыхнет, зажжется высаженный вдоль дороги ряд пронзительно-красных или лиловых цветов – расспроси любого, непременно вспомнят, что видели! Но отчего же тогда никто не понимает, что при этом может происходить и другое? Что вместе с картинкой вдруг начинает идти и звуковая дорожка? Где-то в голове будто включат что-то, и грянут радостно валторны или саксофон начнет фразу совсем человеческим голосом… медовым… прозрачным… слегка хриплым – но это приятная хрипотца, такая же, как и внезапно вспыхнувший, вылезший вперед других красный! И все: выбивающийся из общего ряда цвет, и сопутствующий звук, – они не диссонируют, нет, не рвут общей ткани вечера, но лишь подчеркивают ее…

«Ваш ребенок ведет себя странно, – написала в записке классная руководительница. – Прошу вас зайти в школу!»

Он был тогда в первом классе, и они начали учить буквы. Он уже знал все буквы и умел читать. И, наверное, все их знали, и читать тоже умели все. Без этого детей сейчас не берут в школу. Но он зачем-то спросил у своего соседа, как звучит у него буква «а» – так же, как у него самого, или нет?

– А-а-а… – начал нараспев тот. – А-а-а! А-а-а!!

– Ре-е-е! – запел он, радуясь и вторя ему. – Ре-е-е! Ре-е-е!..

– Антипенко! Илья Антипенко, когда учительница называет твою фамилию, нужно встать!

Он послушно поднялся.

– Это буква «а», мы учим букву «а», но совершенно не обязательно начинать петь на уроке чтения! Когда у вас будет урок музыки, ты будешь петь!

– Это не я пою! – сказал он. – Это поет буква! Вы ведь тоже слышите, да?

Некоторые его одноклассники просто удивленно смотрели, а некоторые смеялись, думая, что сейчас начнется какая-то интересная игра. Но учительница сразу всех поставила на место.

– В классе должно быть тихо! – проговорила она. – Буквы не поют! А Илюша Антипенко сейчас встанет вот здесь, возле меня, и скажет: «Я не буду больше мешать вести урок, потому что хочу выучить все буквы!» Правильно я говорю, Илюша?

Да, конечно, ему следовало согласиться, и все бы дальше было хорошо, но он почему-то заупрямился, и обиделся, и даже расстроился. Поэтому он прошел туда, куда указали, но не сказал, что хочет выучить буквы, потому что уже знал их, от первой и до последней, и знал, как звучит каждая! И что есть такие буквы, которые даже и не звучат, а, допустим, щелкают, как буква «мягкий знак»! Как только ты на него посмотришь, он щелк – и отстегивается, совсем как замочек на старом дедушкином чемодане! А когда он пристегивается где-то в слове к другой букве или виснет у слова на хвосте, это совсем уже по-другому! Иногда это так, будто ешь пирожное эклер: во рту шелково и щекотно… а иногда кисло-сладко, или мятно, или даже как будто безо всякого вкуса, но холодно! А буква «а» сама по себе – это нота ре, если нажимать ее на мамином пианино. А если с другими буквами, то она никакая… она не звучит! А еще есть слова, которые светятся… или от них щекотно, и даже есть слова, от которых словно только что чихнул! И когда музыку слушаешь, она тоже вся светится! Это потому что все связано, но только в той книге, что осталась у него на парте, нарисовано совсем по-другому! «Ма-ма мы-ла ра-му»! Красный – желтый, а потом такой синий-синий! Только в этой книге, которая «Букварь», все перепутано: желтый-зеленый, желтый-зеленый! Так не бывает! Зачем буквы покрасили как не надо?! Или…

Он вспомнил, как его внезапно осенило прямо там, на уроке, где класс теперь уже всеми семьюдесятью шестью глазами смотрел на него одного. Семьюдесятью шестью, включая учительницу. А он стоял, и ему было стыдно, потому что он только-только понял: не все слышат одно и то же! И видят тоже, наверное, не одно! И тот, кто рисовал картинки в этом учебнике, наверное, почему-то видел слова в рассказе про раму, которую мыла чья-то мама, лишь желтыми и зелеными, хотя они определенно все разные! Но говорит же папа, что все люди, все-все-все – все разные! И людей в мире даже больше, чем слов, – это он тоже понял там, на месте, куда его выставили на всеобщее обозрение!

Он стоял и молчал, потупившись, а потом вдруг, взглянув на учительницу, увидел, что она стала как часы… не те, которые со стрелками, а которые мама ставит на пианино, когда приходят ее ученики! Она и ему их ставит, хотя ему они не нужны, он сам отсчитывает и никогда не сбивается! Часы! Метроном – вот как они называются! Учительница стояла ровно и одновременно словно бы раскачивалась из стороны в сторону, жестко и мерно… Метро-ном! Метро-ном! Тело у нее было как лакированное дерево, а глаза – посверкивающие и железные… и они всех их считали! Мари-на Ива-нов-на! Мари-на Ива-нов-на! Глаза двигались из стороны в сторону – и все время мимо него… мимо него! Потому что она жила вот этим отсчитыванием и не понимала, как может буква одновременно быть звуком! И никто тут, оказывается, этого не понимал! Почему?!

Ему стало так страшно, как никогда не бывало дома, даже когда он был совсем маленьким… И приходила соседка, и брала его на колени. Тогда все было очень простое. Люди звучали совсем как простые буквы. Соседка была ля диез, потому что она его любила. Она брала его из кроватки так радостно, что он буквально взлетал в ее руках. И он сам к ней тянулся. А другая, которая не была музыкой – но которая почему-то приходила к ним чаще, чем та, которую он любил, – она вообще не звучала. Она была как холодный воздух из щели под окном. Даже теперь, когда он уже весьма взрослый мужчина, стоит ему поднести раскрытую ладонь к тому месту, откуда зимой под подоконником проникает холодная и острая, будто случайно попавшая за шиворот капля, струя, в памяти возникает ее лицо с наведенными дугой бровями, и ее лиловая помада, и завивка-химия на голове. И руки у нее не звучат, они холодные. Он начинал плакать, лишь взглянув на ее сиренево-синие губы – невозможный, отвратительный на человеческом лице цвет! А у нее еще и ногти были такие же! Острые, блестящие, словно мертвая чешуя… рыбный цвет, протухший, трупный! «Ма-а-аленький! – говорила она. – Уже плачет! Ма-а-мочка-а-а еще не ушла-а-а… не ушла-а-а! А мы-ы-ы пла-а-ака-а-аем!» Ему были противны ее руки, и губы, и вся она… хотя она была очень хорошая, эта соседка, как оказалось потом, когда он вырос, – но первое впечатление детства! И этот сине-сиреневый цвет обмороженной плоти, к которому у этой женщины было, по-видимому, какое-то особое пристрастие – ему она так и не изменила!

Да, буквы звучали, как звуки, а потом стали звучать некоторые слова, но вот весь текст, целиком… его было невозможно прослушать, как те пластинки, которые ему ставила мама. Как невозможно было переложить музыку в слова, в стихи, в детские песенки, собрав все, что он слышал, воедино… Получалась абракадабра! Но зато созвучия преобразовывались в цветовые сочетания, и он

смотрел и смотрел на музыку… смотрел на то, что другие только лишь слушали!

Ему вдруг стало очень страшно, и он закричал. Закричал изо всех сил. И зажмурился, чтобы не видеть, как окрашен его собственный страх, тот ужасный звук, что он из себя исторгал, – но все равно видел его под собственными веками. Он был бурый, этот звук, с тускло светящимися болотными краями, как будто за этим звуком и цветом что-то еще находилось… что-то пряталось! Мягкое, отвратительное на ощупь… жижа, чавкающая, нагревшаяся под солнцем грязь на дне мелкого прудика… Обволакивающая пальцы снизу, когда на нее наступишь, всасывающая их… а за ней – прикосновение еще более мерзкое, невыносимое, как эти взгляды, что сейчас смотрят, дотрагиваются, ощупывают, пробуют, скребут по нему! Водоросли! Шершавые, чужие, чужеродные, прячущиеся там, где их не ожидаешь, и хватающие тебя за ноги, будто ты их добыча! Он не хочет быть добычей этих сосущих глаз! Этих водорослей, от которых убегаешь со вскриком, и они тебя отпускают и ничего уже не могут тебе сделать – им вообще, наверное, не до тебя, существа из другого мира, слишком теплого и сильного для них. Но потом ты еще долго-долго чувствуешь на коже то место, где они к тебе прикоснулись. И будто там, в этом месте, ты уже перестаешь быть собой и становишься немножко как они!..

Как и эти, тут, в этом классе… Он чувствовал, что они точно растаскивали его в стороны, тянули каждый к себе… а метроном дирижировал этими действиями… и поощрял их, потому что они все заодно, все заодно! И только он один стоит, стоит с закрытыми глазами и кричит… Но крик – это мягкое… это грязь… это не броня! Он не защищает, он только его пачкает! И делает грязным и смешным… и уже никому не интересно, что «а» – это ре, а «б» и вовсе апельсинная косточка, когда ее раскусишь: жгучая, горькая! Поэтому он и не любит «б» саму по себе… только в словах, только в словах! Где она, эта гармоничная горечь, неотделимая составляющая основного!..

Как это объяснить?!

Как?!

Он идет медленно, волоча ноги, и несет домой эту записку. Слова, у которых внутри весь сегодняшний день. Каждый день другой: это краски, и звуки, и запахи. Он хотел бы оставить сегодняшнее там, в школе, но почему-то несет домой взгляды, которые как водоросли и бурое свечение, и «тик-так» метронома Марины Ивановны тоже. Он несет это все туда, где уже есть воспоминания о

чешуйчатой рыбьей помаде и о себе самом, тянувшем руки к той, которая ему нравилась… к ля-диез. Который смягчает ноты, как сказала мама, хотя он уже знал это до того, как начал играть, потому что люди-диезы тоже мягкие.

Он не знает, как сказать, почему у него записка, записка, слова в которой светятся таким же бурым… Записка, которую он, конечно же, прочитал… потому что боялся и потому что читал с трех лет. Он читал все подряд – и что светится, и другое, что только звучит, – а бывает всякое! Всякое! Но знают все и верят ему только его родители… и еще один человек, который работает вместе с папой. Именно он сказал: то, что он видит и слышит – и сквозняк под подоконником, и птичку канарейку, которая желтая, но поет бирюзовыми переливами – бирюзовыми с изумрудным! – это называется щекотным словом синестетика. А он – синестетик. Странно… и сколько в мире еще странного?

Он хочет узнавать это странное и не хочет нести домой записку. Наверное, ее надо выбросить. Но что тогда он скажет метроному Мари-не Ива-новне завтра?!

«Илюша, выйди и стань вот здесь!»

Странный мальчик.

Синестетик.

Это он.

* * *

– Это я, – сказал Тим. – Не хотел тебя будить… но мне нужно было тут взять кое-что.

– А я и не спала, – соврала Катя. Конечно же, она спала. После того как он накрыл ее одеялом и после того как они сначала поссорились, а потом помирились, а потом снова едва не поссорились. Из-за того, что позвонила Сорокина и сказала, что принято решение отстранить Катю, по меньшей мере на неделю, от всех дел. И пусть она отдыхает или там больничный возьмет, а еще лучше куда-нибудь уедет, от греха подальше. Потому что они за нее действительно волнуются, а она, Сорокина, больше всех! А Катя зачем-то стала

отказываться, несмотря на то что Тим на нее так смотрел! Ну просто ужас как смотрел! Но только если уж Сорокина понеслась с горы, то будет нестись, куда ей одной приспичило…

– Ну и слава богу! – сказала Катя, положив трубку и опасаясь смотреть в сторону мужа. – Неделю дома сидеть буду!

Ей очень хотелось добавить: «И займусь антипенковским племянником и его женой», – но она вовремя прикусила язык. Тим этого явно не одобрял. Кроме того, он еще не совсем пережил то, что в его жену стреляли. И не выбросил ее испорченную куртку. И не ответил на вопросы родителей, потому что те – и тоже слава богу! – этих вопросов пока не задавали. И хорошо бы никогда не задали!

– Слушай, а давай мы, пока тебя на неделю отпустили, ремонт сделаем! – вдруг предложил Тим. – У нас и деньги есть… и ты будешь свободна.

– То есть ты хочешь сказать, что я должна буду сидеть и смотреть за рабочими? Которые за неделю тут все переломают, намусорят, и на этом мой отпуск и наши деньги как раз и закончатся? – не удержалась чтобы не съязвить Катя.

– Ну почему же закончатся? Я все подсчитал! Вот смотри! И если быстро все делать, можно успеть…

– Ти-и-имка! – Катя решительно отодвинула от себя листки, даже не взглянув. – Это только в телевизоре, в специальных таких передачах хозяева как бы на два дня уезжают на дачу, а потом с тортиком возвращаются – а дома все новое: и полы, и мебель, и даже цветы в горшках! И мне кажется, дети у них тоже новые: когда уезжали, им было лет по пять, а когда вернулись, они уже в школу пошли! С реальностью эти ремонты не имеют ровно ничего общего! И если мы сейчас это затеем, то полгода как минимум мыкаться будем! И где мы все это время будем жить?

– Ну… у моих хотя бы! Я уже с ними… договорился, – осторожно, будто пробуя первый тонкий лед под ногами, проговорил Тим, и Катя вдруг все поняла. Что мужу действительно не нравятся ни кое-как побеленные еще Катиной бабушкой потолки, ни потемневший и никогда не покрывавшийся лаком паркет, ни даже веселенькие обои в цветочек, которые она, будучи студенткой, наклеила в спальне: наклеила не без огрехов – с морщинами и не везде ровно… И они уже

пожелтели, и выцвели… и вообще, возможно, Тиму эти обои никогда и не нравились! Как и старый буфет в кухне, и порыжевшая, сколько ее ни чисти, старинная ванна на чугунных лапах, и диван, который действительно пора выкинуть! Да, ее квартира, которая теперь стала их общей, поистине далека от идеала, и она не против тут все обновить, но… Она не хочет переезжать к родителям Тима – ни на неделю, ни даже на три дня! Однако об этом ему говорить, пожалуй, не нужно… а что нужно? Ее муж – человек решительный и… вспыльчивый. Хотя и любит ее безмерно. Так любит, что чуть не убил Лешку Мищенко, ее бывшего, который… Да ну его совсем, Мищенко, не к ночи будь помянут, и вообще, чего это она вдруг о нем вспомнила? Да потому что он как раз хвалил и якобы старинный дух, витающий здесь, и эти самые обои в цветочек, на фоне которых она так хотела ему понравиться! И таки добилась своего, понравилась… только не она тогда Лешке понравилась, а ее квартира в самом центре города и распределение, которое он мог получить вместе с этой квартирой… Лощеный, двуличный лицемер… и вообще сволочь! Прав Тим – от обоев давно пора отделаться! Но только за неделю тут даже десять человек не управятся!

– Ладно… – сказала она задумчиво. – Я согласна… в принципе! У нас в самом деле не лучший интерьер в мире! Но только ты уверен, что наши деньги нужно потратить именно так – на ремонт? Я думала, мы поедем куда-нибудь… летом.

– Летом и поедем! – бодро пообещал Тим. – Тебе обязательно нужно отдыхать. А сейчас сделаем ремонт. Зимой его, кстати, делать дешевле. Потому что все почему-то стараются делать ремонт летом. Я тут подсчитал… – Он притянул ее к себе, и обнял, и усадил рядом… Да, вот так бы сидеть и пить чай… или кофе… а еще лучше вино… и молчать… но муж отчего-то желает не этого, а говорить о какой-то там плитке! И даже все подсчитал! И втолковывать ему, что, сколько ни подсчитывай и ни прикидывай, и даже смету он может утвердить и вывесить тут, в коридоре, пришлепнув своей врачебной печатью, но только ремонт всегда выходит в два раза дороже, если не в три! И на отпуск у них уже не останется! И безобразие это наверняка продлится аж до самого лета, даже к бабке не ходи! А летом они останутся с ремонтом, но без отпуска! И без денег! Но только обои в цветочек она обдерет собственноручно… и при любом раскладе! Потому что от них она уже точно решила избавиться!

* * *

– …и они решили от него избавиться – но это было как раз ошибкой!

– Кто от кого хотел избавиться? – спросила вошедшая в комнату Наталья.

– Это я Катьке рассказываю, как партнеры по бизнесу от нашего Илюхи хотели отвязаться, хотя он как раз и был генератором идей! Несмотря на то что его реклама иногда выглядела… ну, скажем, сомнительной, она что-то задевала в тех, кому была адресована, – и в результате работала! В то время как их красивая, правильная и вообще идеальная не работала!

– Ну так-таки и не работала! – с сомнением сказала жена того, кто, без сомнения, любил своего способного племянника. – Любая реклама работает!

– Не любая и не всегда! А Илюхина работала со страшной силой! И этим идиотам просто завидно стало! И они его подставили! Потому что он этих денег не брал! Я в этом просто уверен!

– Антош, а почему он к тебе не обратился? – внезапно поинтересовалась жена.

– Не знаю… – Антон с досадой хлопнул себя по коленям. – Я ему вроде и не чужой, но он, знаете… такой, будто ему весь свет чужой. И всю жизнь таким был, с самого детства. Редко с кем дружил и сходился. Вот честно стараюсь вспомнить каких-нибудь его друзей – и не могу! Кроме одного мальчика, тоже немножко странного… Мне кажется, он один только к нему на день рождения и приходил, хотя сестра всегда говорила: «Илюшка, ты зови всех друзей, не бойся, я всего приготовлю… И девочек зови – да хоть весь класс!» А он так серьезно посмотрит на нее и отвечает: «А зачем всех звать? Мне со всеми неинтересно». А с этим Димой… или Владом – не помню уже – ему интересно было. Они какие-то совершенно немыслимые игры изобретали, и что-то там из бумаги клеили, и рисовали, и моторчики вставляли, и все это бумажное крутилось, летало и даже плавало! Они придумывали планеты и даже язык свой собственный изобрели – якобы инопланетяне их на этом языке разговаривали! И они у них светились – это как бы на расстоянии переговаривались и даже мысли читали! Я думал, он подрастет и в писательство ударится – очень много в нем этой фантазии было, – хотя уже тогда он что-то постоянно рисовал, везде его тетрадки с рисунками валялись. И, знаете, он так иногда на меня смотрел, что мне и в самом деле начинало казаться, что он мои мысли прочесть может! А еще он любой номер телефона мог запомнить, хотя с математикой не дружил, не любил ее. Но цифры

запоминал и никогда не ошибался. Не знаю, что он такое в эту свою рекламу вкладывал, может, там что-то такое зашифровано было, что на подсознание влияет, но, пока он в этой фирме на этих дядей вкалывал, у них от заказчиков отбоя не было… а они с ним так! Теперь, небось, локти кусают, когда он начал и с Германией, и даже с Японией работать!

– Антош, давайте ужинать, а то ты Катерину совсем заговорил…

– Нет, мне интересно! – быстро сказала Катя. – И что за дяди, кстати, такие? Имена, фамилии очень желательно!

Она так и не поехала с Тимом к его родителям, а вместо этого напросилась к Наталье. Сказала, что хочет сначала пару дней отдохнуть на природе с подругой и что там вообще будет безопасней… хотя беспокоиться Тиму совершенно не о чем: она уверена, что стреляли не в нее. Но если Сорокина и Лысенко ее отпускают, она не против. Тем более у Антипенко участок охраняется – нет, она не к тому, что сомневается, она точно уверена, что стреляли не в нее, но просто Тиму будет спокойнее думать, что ей ничего не угрожает.

– Я даже полагал, что с таким характером он никогда никого себе не найдет и не женится… а он вдруг влюбился без памяти в эту самую Жанну…

– Она мне не понравилась, – быстро вставила Катя.

– Она тогда никому не понравилась, – тряхнула головой Наталья, грызя яблоко. – Он к нам как-то с ней приехал, перед самой свадьбой, и она сначала тихоню из себя строила, а потом осмотрелась и стала глазками стрелять и Антоху клеить!

– Да ладно… придумывай… не было такого!

– Это ты мне рассказываешь, что не было? У меня глаз алмаз! И я не ревнивая, иначе просто так этого бы не спустила! Явиться ко мне домой и моему собственному мужу глазки строить, юбку задирать и ножки показывать!

«Ножки у Жанны действительно что надо, – подумала Катя. – Да и все остальное на уровне… Интересно…» Однако что интересно, она додумать не успела, так как Наташка все-таки выгнала их от веселого каминного огня ужинать.

Возвращаться к теме легкомысленного характера жены племянника Ильи Катя не стала – пожалела подругу, но Жанна определенно занимала ее мысли все больше и больше!

– Знаете, – неожиданно сказала Наталья, составляя грязную посуду в моечную машину, – считается, что у близнецов все одинаковое: у них даже удары сердца синхронизируются, не говоря уже о вкусах, манере одеваться и прочем. И думают они тоже одинаково, и люди им нравятся одни и те же… Только все это вранье! Может, они и были внешне очень похожи, но… на самом деле жаль, что Илья женился именно на Жанне! Потому что ее сестра, Женя, подошла бы ему гораздо больше!

* * *

Гораздо больше ему хотелось бы заниматься другим и думать о другом… Возможно, он просто был трусом? Которому удобно ходить привычной, проторенной дорожкой – ходить каждый день, не сбиваясь на другие пути… и не оглядываясь? Да, не оглядываясь! Потому что там, за спиной, все то, что он так не любил вспоминать… И что теперь идет за ним снова? Идет терпеливо – знает, что он никуда не денется! Некуда ему деваться! Но он не хочет снова страдать… или снова сесть за решетку! Однако тогда он хотя бы знал, за что нес этот крест, – за то, чтобы его больше не трогали, чтобы дали жить как хочет, заниматься чем хочет… Нет, снова он врет, причем врет самому себе, а его ведь никто не может подслушать! Он послушно дал себя посадить, потому что не было другого выхода, – или это ему тоже только казалось? Выход обычно там же, где и вход, но большинство не способно этого понять – или же просто лень идти назад, долго плутая, припоминая все повороты… Не проще ли ахнуть по стене тупика кувалдой? Не думая, что при этом может обрушиться и все здание с такой любовью выстроенной жизни? И еще: нельзя всю жизнь быть жертвой и делать только то, что от тебя нужно другим! Потому что они очень быстро это понимают. Да, одни всю жизнь везут, а другие всю жизнь едут, да еще и погоняют! Характер закладывается в утробе матери. Там же заодно получаешь и другие дары. Мы появляемся на свет с уже готовыми талантами, с заложенными на генном уровне умениями, способностями – и заодно с комплексами! Зачастую совершенно непреодолимыми. С желанием быть ведомым, а не ведущим. Подставлять щеку, а не бить по ней. Ходить на веревочке, на поводке, шлейке… цепи, наконец! Волоча за собой ядро вечного каторжника.

Он не знал, что ему теперь со всем этим делать. А когда не знаешь, как жить дальше, в голову не приходит сесть и спокойно составить какой-нибудь план. Ты просто начинаешь глупо дергаться во все стороны, нагромождая при этом одну нелепость на другую, и все запутывается еще больше. Он не понимал, почему его жена была не способна осмыслить очевидного: кто-то хочет ее убить! Ему же все было более чем очевидно: не напугать, уже нет, теперь – именно убить! И еще он думал, что она знает этого человека… догадывается, кто он такой… как знает и то, почему этот человек так жаждет это сделать. Почему она не захотела все рассказать ему? Да по той же причине, по которой он ничего не рассказывает ей! Если мы начинаем признаваться в наших секретах, это может все превратить в развалины! Подчистую разрушить все, что есть общего, родного, цельного, одного на двоих, – и очень, очень быстро!

Ему было страшно. Страшно ждать и страшно принимать решение, потому что оно может оказаться неверным… но больше потому, что он чувствовал: эта задача НЕ ИМЕЕТ решения! У этого уравнения все корни – иррациональные! Неприемлемые для реальной жизни. Невозможные для них обоих. Для их будущего, если оно у них еще есть. Для настоящего, которое и без того стало зыбким. Для имен, которые превратились в пустой звук! Живая Жанна и мертвая Женя! Почему одна из них должна была умереть? И почему мы выбираем тех, кого выбираем?!

* * *

– Мы выбираем тех, кого выбираем…

– И получаем в придачу к ним всех родственников!

– Что да, то да! А что, тебя родственники мужа перестали устраивать?

– Ну, я так радикально не высказывалась бы, – уклончиво ответила Катя подруге. – Отар Шалвович очень милый человек! А остальных, наверное, я совсем не знаю!

– Кать, девяносто девять процентов невесток не ладят со своими свекровями! – проницательно усмехнулась Наталья. – Как и девяносто девять процентов свекровей не обожают невесток! Они точно предпочли бы для своих мальчиков

других жен, если бы у них были такие права и возможности.

– Наверное… – грустно сказала Катя. – Но меня лично это не радует!

– Но ты же с ней под одной крышей не живешь!

– Слава богу! – усмехнулась бесстрашный опер отдела по борьбе с особо тяжкими. – А то бы я, наверное, с ума сошла! И еще она к нам регулярно вламывается! Просто как к себе домой!

– Зачем? – удивилась Наталья.

– Причины всякий раз разные, но мне кажется, она просто проверяет условия, в которых вынужден жить ее единственный сын! И этот дурацкий ремонт, который Тим предлагает, только для того, чтобы угодить ей!

– Ка-а-ать… может, он просто хочет, чтобы ты порадовалась!

– А мне и так хорошо! – Она уже напрочь выбросила из головы и обои в цветочек, и Лешку Мищенко. Сейчас она досадовала только на этот некстати пришедший мужу в голову ремонт, да на Лидию Эммануиловну, которая, с ее железным характером, оказывается, до смерти боится пауков! И даже визжит, когда несет их в бумажке на улицу! Вот бы на это посмотреть! Подбросить ей самой паука, что ли?

– А ему? Может, ему так не совсем хорошо?

Катя захлопала глазами.

– Об этом, если честно, я не подумала… Только он все равно не прав: утверждает, что сделает весь ремонт за неделю! А это уж и вовсе… насмотрелся этих самых передач, где все так быстро и бегом, и думает, что это как бы взаправду!

– Все мы хотим одного, а получаем порой совершенно противоположное… – задумчиво произнесла Наталья. – Знаешь, может тебе это сообщение, что я сейчас выдам, будет не слишком полезно, но ты немножко и от ремонта

отвлечешься, и от отношений со свекровью… Так вот, эта Жанна, за которой ты сейчас следишь, нам с Антохой совершенно не понравилась. Ну, об этом я уже говорила, но могу еще раз: какая-то она скользкая, что ли…

– Мне она тоже не понравилась, – призналась Катя. – А что скользкая, то это прямо в точку. Когда она со мной разговаривает, у меня создается впечатление, что она врет. Все время и постоянно. Даже если она мне скажет, который час и это совпадет до секунды, я все равно буду сомневаться. У нее тон такой… будто она ответы заранее приготовила и отрепетировала. Она говорит – а я ей не верю. Хотя это очень плохо. Мне нужно найти того, кто хочет ее убить или запугать… словом, раскопать проблему и устранить. Но как это сделать, и тем более быстро, если она не озвучивает никакой достоверной информации? Да и вообще никакой информации не дает! Полезной, в смысле. И все время все отрицает. И списывает на неправдоподобные совпадения. Мыло в туалете! Дурочкой прикидывается, хотя очень себе на уме! Ты права, скользкая она, как это самое мыло! А из вашего Ильи я тоже с трудом что-то вытягиваю! Они как сговорились, чесслово! Причем каждый в своем роде: она разговаривает, но как-то все впустую и ни о чем, а он с точностью до наоборот! Мне приходится буквально под пытками из него все вытаскивать! Такое впечатление, что они не совсем нормальные, оба!

– У Ильи действительно какой-то сложный аутистический синдром…

– Это что он видит-слышит не как все?

– К этому еще и дополнительно, – вздохнула Наталья. – И он очень непросто сходится с людьми. У него практически нет друзей…

– Это я уже заметила! – кивнула Катя. – Я слегка поинтересовалась кое-какими подробностями, так он в такой ступор впал… Я уж подумала, что это летаргический сон! Сказал, что потом мне на бумажке напишет. Все свои соображения и с самого начала. Сомневаюсь, что это когда-нибудь случится. Или начнет с того, что было еще до его рождения, начиная с девятьсот тринадцатого года до Рождества Христова! Чтоб со всеми предпосылками! Проверяю пока его сотрудников, одноклассников… до сокамерников еще не добралась, хотя вполне может быть, что кто-то, с кем он был знаком на зоне, вышел на свободу и решил с вашего гения денег по-легкому стрясти! Только такой вывод пока и напрашивается. А поскольку самый краткий путь для этого – ребенок и жена, так и поступили. Наташ, кстати, просвети меня лучше – что случилось с ее сестрой?

Ты как-то проговорилась, что она подошла бы вашему Илье куда больше, чем Жанна. Так почему он выбрал не ту, а эту? Она что, была страшная, как упавший с седьмого этажа торт, или интеллектуально его запросы не удовлетворяла?

– Кать, ты сейчас удивишься. Они с Жанной были похожи как две капли воды!

– Близнецы? – действительно удивилась Катя.

– Более чем близнецы! Совершенно, идеально совпадающие! Знаешь, есть такие двойняшки, которые непохожие – это разнояйцевые…

– Ага, знаю, почему так! – перебила подругу Катя. – Мне это моя новая медицинская семья уже объясняла. И я даже вроде поняла. Но, с другой стороны, если они были как одна, не все ли равно, на которой жениться?

– Да в том-то и дело, что сходство это было только внешнее! Женя была скромной, тихой девочкой, слова лишнего не скажет. Да, кажется, теперь я лучше понимаю, почему Илья ее сестру выбрал: с Женей они сидели бы и молчали, и ничего больше! Жанна же, возможно, потому его и привлекла, что она напористая, энергичная и очень целеустремленная…

– Ага, вот такие, как правило, и получают чего хотят!

– …но сразу после свадьбы она начала всякие фортели выкидывать! – закончила Наталья.

– Какие? – тут же заинтересовалась Катя.

– Например, потратила на себя все, что им на свадьбу надарили!

– Ну… может, оно и правильно, – вздохнула Катя. – Я бы тоже потратила, на что сама захотела, а вовсе не на ремонт!

– И совсем-совсем ничего для Тима? – хитро прищурилась та, которую Катя буквально боготворила и к чьим советам неизменно прислушивалась.

– Нет, я бы честно разделила все пополам, а еще лучше – сели бы с любимым человеком и вместе составили бы список, что нам нужно, – призналась она.

– То есть поступила бы, как нормальная взрослая женщина, а не как взбалмошный подросток, накупивший кучу ненужных, но очень дорогих тряпок, – резюмировала подруга.

– Ну а что на это сказал сам Илья? – Катю как опера прежде всего интересовало развитие событий.

– Ничего! Ничего он не сказал. Во всяком случае, на людях вел себя так, будто такое поведение в порядке вещей. А эта славная девочка, ее сестра Женя, она действительно была потрясена. Я это знаю, потому что мы с Антохой тогда заехали к Илье по какому-то их общему рекламному делу и я краем уха услышала, как они ссорятся – Жанна с сестрой. Именно по поводу того, что Жанна – эгоистка, каких мало, и она, Женя, так с мужем никогда бы не поступила. Ну, все в таком роде. Пока Антошка машину на улице парковал – он всегда себе такие чемоданы покупает, которые не так-то легко впихнуть, особенно где застройка старая. Там как раз хрущевки были сплошь, а между ними только на самокате проезжать! Ага, так, значит, я стояла под дверью и, каюсь, слушала! И тогда же подумала: Илья, похоже, сильно налажал с выбором невесты! И еще подумала, что эта Женя явно к нему неровно дышит… уж больно она горячилась и наскакивала на свою близняшку!

– Слушай, так, может, это она теперь преследует Жанну? – озадачилась Катя. – Родная сестра? Все логично!

– Она никак не может преследовать Жанну и вообще кого бы то ни было. – Лицо Натальи стало печальным. – К сожалению, несколько лет назад Женя умерла.

* * *

– Женя? А почему вы спрашиваете? Она… она умерла пять лет назад.

– Вы были с ней очень похожи?

– Мы совсем с ней не были похожи! – фыркнула Жанна. – Разве что внешне… Внешне – да. Просто как две капли воды, как иногда выражаются. Думаю, родители нас тоже путали, так что теперь не совсем и ясно, Жанна я или все-таки Женя! – цинично усмехнулась она. – А почему вы интересуетесь моей покойной сестрой?

– Я просто собираю информацию, – отговорилась Катя. Не объяснять же этой неприятной красавице, что тот, кто, возможно, не знает, что Жени больше нет, снова перепутал ее с сестрой? – Как именно умерла Женя? – уточнила она.

– Сгорела. – Жанна сжала губы так, что они побелели. – Причем сгорела в самом прямом смысле. Дотла. Связалась с какими-то подозрительными личностями, потом ушла от родителей, жила на какой-то заброшенной даче в лесу… Мы с ней были городские девочки, так что печку топить она совсем не умела. Потом установили, что загорелось именно от печки.

– Вы ездили опознавать сестру?

– Нет… – Жанна внезапно задохнулась, да так, что закашлялась, словно вдохнула дым, в котором погибала ее сестра-близнец. Катя вспомнила, что не раз читала: близнецы очень сильно эмоционально связаны и могут чувствовать боль и страх друг друга, даже находясь на огромном расстоянии. – Нет, – повторила Жанна. – Я с ребенком в больнице лежала. Мама… ездила. Но… это было тяжелое зрелище. Я… я бы не хотела этого видеть! Это… это мама потом сказала, что она… что Женя сгорела буквально дотла…

В глазах своей собеседницы Катя вдруг увидела настоящее страдание… боль, страх, ужас… слезы…

– Извините, но когда я смогу выходить? – справившись с собой, спросила хозяйка дома.

– Я понимаю, что вам тяжело сидеть взаперти, да еще и с постоянно опущенными шторами, но подождите еще немного, – уклончиво пообещала Катя. – Мы постараемся побыстрее прояснить ситуацию и сразу же сообщим вам…

Кто такие были эти «они», Катя и сама не смогла бы сказать. Она была одна… ну, немножко Бухин помогал, конечно, – трудно добывать информацию, находясь не на работе, без специальных допусков.

– Трудно существовать в двух лицах, знаете ли… – неожиданно сказала Жанна, когда Катя уже собралась уходить. Она даже не привстала, чтобы проводить гостью, видимо, была так глубоко погружена в воспоминания, что буквально не замечала ничего вокруг. – Знаете, бывает так трудно жить… Особенно когда понимаешь, что все хорошее досталось другому. А ты… ты лишь оболочка… пробный вариант… черновик… пилотная версия!

– Женя… – сказала Катя, и Жанна вздрогнула, будто очнулась. – Женя очень бы за вас волновалась, я так думаю. И я очень вас попрошу, выждите. Не выходите пока никуда. Даже если создастся такая ситуация… короче, вдруг вам позвонят и скажут, что с вашим мужем или ребенком что-то случилось, не летите сломя голову. Сначала позвоните мне. Позвоните по всем номерам. Проверьте. Потому что это может стать очередной ловушкой. Вы меня понимаете, Жанна?

– Да, – сказала женщина тихо. – Кажется, я понимаю…

* * *

– Не понимаю, – растерянно сказала Катя, – это что?..

– Это начало, – весело отозвался Тим. – Здорово, правда?

В их квартире были ободраны все стены, полы засыпаны старой штукатуркой и кое-где сиротливо торчала дранка.

– Не ходи туда, – предупредил муж, – запачкаешься.

– Но… мне нужно было…

– Я все запаковал и увез. Правда, быстро идет?

– И ничего не сказал мне?! – Катя рассердилась. – Если бы я складывала свои вещи сама, то, наверное, знала бы, где что искать, а теперь что я буду делать?! И куда ты все перевез? И где наша кровать? Я не могу вечно торчать у Натальи, это, в конце концов, неудобно! И я приехала домой, а тут… тут!..

– Кать… я хотел сделать сюрприз! Я все аккуратно сложил! И надписал! И пронумеровал ящики! Мама мне помогала! Мебель перевез в гараж и часть вещей тоже, а машина пока будет стоять на улице… И в гараж за ней не надо будет ходить – когда хочешь, сел и поехал!

– А где мы будем жить? В машине?

– У моих пока. Что мы, недельку не перекантуемся? Они только рады… будут.

– Зато я не буду рада! – буркнула Катя, переступая порог своего разоренного гнезда. О господи… как после пожара! И Тим еще думает, что все здесь можно будет привести в порядок через неделю?!

– Паркет менять не будем – его только отциклевать и лаком покрыть, а трубы придется… И окна, и подоконники… Ну и двери, конечно. И сантехнику.

– Тимка, нам это не по карману! – в ужасе вскричала Катя. – Тут… тут и сорока тысяч не хватит!

– Ну… Действительно, может и не хватить. Знаешь, я как-то не посчитал, что рабочие так дорого обходятся, особенно если их восемь человек…

– Сколько?! – Катя схватилась за голову.

– Но ты же хотела, чтобы быстро!

– Я ничего не хотела! Ни рабочих, ни ремонта! Разве что обои в спальне поменять!

– Не кричи так, пожалуйста! – взмолился Тим. Вид у него стал несчастный, и Катя даже пожалела мужа.

– Тимка… раз ты все равно это затеял, давай подумаем, как из этого выгребать с меньшими потерями… Первое: восемь рабочих – это много. Нужно прикинуть, сколько нужно реально. И дать этим оставшимся понять, что ты – не восточный набоб и не миллионер, а то один будет работать, а еще трое – курить, потому что деньги все равно идут! И платить не за рабочий день, а за конкретно сделанную работу! – припечатала Катя.

– Ну… наверное, – согласился нейрохирург с восточными корнями, совершенно не разбирающийся в психологии наемной рабочей силы.

– И потом, я у твоих родителей жить не хочу! – заявила капризная жена нейрохирурга.

– Почему?

– Не хочу, и все… Мне у них некомфортно. Несколько дней еще туда-сюда, но постоянно!..

– Кать, я даю тебе слово, сегодня весь мусор вывезут и после обеда уже начнут строить! Все будет очень быстро! И… я взял на работе отгул!

– Тебя все равно выдернут, если будет тяжелый случай! – сердито сказала Катя. – И пропадет твой отгул! И вообще, мог бы мне позвонить, я могла бы присмотреть за твоими рабочими… хотя у меня были другие планы. Я, вообще-то, приехала переодеться… А тут сплошной дворцовый переворот, оказывается! И нужно жить у твоих родителей. Нет уж! Если негде жить, давай снимать, – твердо произнесла она.

– Кать, тут все закончится… ну ладно, за неделю уже нет – одна циклевка несколько дней займет, – но через месяц точно! Кто будет сдавать на месяц? Всем нужны жильцы тихие, постоянные…

– …без детей и домашних животных, некурящие и непьющие! – закончила Катя. – Знаю! А мне сейчас срочно нужно выпить и закурить! Иначе я за себя не ручаюсь!.. Да, и хочу тебе намекнуть: ты давно не видел жену, а там, на углу, продаются цветы!

* * *

Цветы. Он впервые увидел ее на улице, и в руках у нее были цветы. Мимозы. Сначала он почувствовал себя так, будто его ударили одновременно в сердце и в голову: но он не умер. Ему было хорошо. Очень хорошо! И еще – она не звучала, эта женщина, которую он увидел и словно бы сошел с ума: потому что ему хотелось плакать и смеяться одновременно. И еще он еле удержался, чтобы, схватив ее за руку, не сообщить: теперь он понимает, что значат слова романа! Романа, к которому сейчас уже стыдно и обращаться, слишком уж он обмусолен теми, кто ничего не разумеет ни в литературе, ни в любви. И все же! Прав был классик, и не его вымышленных героев, а его, его «любовь поразила мгновенно: так поражает молния, так поражает финский нож»!

Женщина с цветами, которая не была сопряжена ни с чем, кроме бессмертных строк, которая не звучала и не была помечена ничем – вообще ничем! – словно, когда ее сотворяли, эту женщину, в мире еще не существовало ни звука, ни цвета… И вначале не было слов, нет! – но она и только она!.. И она прошла мимо вместе со своими цветами. Которые не были тревожными… во всяком случае, он так не чувствовал. Это были маленькие желтые нежные солнышки, остро пахнущие теплом посреди зимней слякоти.

Он стоял и смотрел ей вслед, не в силах двинуться с места, пока она не пропала, не растаяла в толпе, как видение; легкое, стройное видение в темном пальто: узкая спина, узкие кисти рук, узкие щиколотки… Она была как яхта с совершенными обводами; она уходила, словно скользя меж тяжеловесных людских барж и вульгарных прогулочных лодчонок…

Она уходила все дальше и дальше, теряясь в сиреневых вечерних весенних сумерках, и он был уверен, что больше не увидит ее никогда. На него напал ступор, из-за которого он не мог броситься ей вслед: ноги приросли к тротуару. Когда же он смог дышать, двигаться, говорить, думать – было уже поздно. Женщина? Девушка? Воплотившаяся Маргарита? Она ушла! Да и видел ли он ее на самом деле, или это была весенняя фата-моргана, сгустившийся теплый воздух впервые нагревшегося после зимы асфальта, насмешка города, дриада каменных джунглей?

Однако судьба порой ведет людей не кружными путями, а прямо к цели – словно стрела, пронзающая лабиринт насквозь и соединяющая две нужные точки. Удивительно, но он увидел ее снова на следующий же день! Уже без мимоз и без

пальто. Он не мог сдержать улыбки, вспоминая это; когда он пришел в себя и обрел способность говорить, то едва не задал ей самый банальный из всех вопросов: «А где же ваши цветы?» Однако он промолчал, слава богу, но, впрочем, молчал он почти всегда. Да и что еще ему было нужно для счастья, кроме как просто смотреть на эту девушку: она оказалась веселой и улыбчивой и говорила за двоих, когда их наконец познакомили. О нет, он тоже что-то говорил! Потому что его, казалось, словно расколдовали: возможно, впервые в жизни он тоже был весел, оживлен и даже пытался рассказывать анекдоты! Наверное, рассказывал он не слишком удачно, но она смеялась. Он ей явно понравился. Он! Понравился! Это было странно, удивительно, непостижимо, невозможно! Но почему-то тогда он счел это вполне возможным – то была судьба! Они встретились, и они были предназначены друг для друга – он был неколебимо уверен, что она тоже это почувствовала!

Ее звали Жанна. Тогда он услышал в этом имени аккорд. Трезвучие. Соль-мажор. Соль. Ассоль! Девушка, прекрасная, как мечта, ждавшая его на неизвестном доселе берегу. И ради достижения этой мечты он был готов на что угодно: угнать корабль с алыми парусами, объявить себя наследным принцем или простоять всю ночь под ее окнами, что для начала и сделал. Да, вот так глупо: он просто не смог уйти, стоял и смотрел, как движутся за шторами смутные тени, а потом исчезают свет и цвет, гаснут потихоньку окна во всем доме… пианиссимо, сходящее на нет. Интересно, почему в любом доме всегда найдется окно, которое не гаснет всю ночь? Кто там обитает? Инопланетяне, для которых темнота – это смерть? Хотя мы все инопланетяне друг для друга… Закрытые книги. Молчащие инструменты.

Это было помешательство. Да, помешательство, причем буйное. Он перестал быть собой, потому что слишком был полон ею. Она заняла все его внутреннее пространство, так что он перестал видеть и чувствовать. Он ослеп и оглох. Жанна, Жанна, Жанна! Она была нужна ему, потому что без нее все остальное было неполным. Недосвет. Недодыхание. Недожизнь. Нужно было завоевать эту девушку – или умереть!

Да, он ослеп и оглох, но понял наконец, о чем говорят все книги. Все стихи. Все романы. Сонеты Шекспира, где слово течет ясным, прозрачным, горьким потоком. Пряные струи Мериме. Темные, мутные, зачастую опасные воды Бунина. Зеркальная гладь идеального Куприна. Мощная, совсем не женская Ниагара бесподобных романов Улицкой. Прибой, приливы и еле слышный лепет волн музыки рассказывал о том же. Все на свете было любовь, все двигалось

любовью. И его собственная любовь билась в нем, переливаясь через край и желая выплеснуться наружу. Это происходило впервые… и, наверное, больше с ним такого никогда не могло случиться. Это был первый и он же последний раз. Потому что он не мог представить, чтобы люди могли переживать такое снова и снова, раз за разом… Ему казалось, что на такое не хватило бы никаких душевных ресурсов! И он плохо соображал, что же делать со всем этим. Как совладать? Как выжить и не умереть? Причалить к берегу во время бури? Он уже не чаял рассказать ей о своей любви – он просто желал пережить это неожиданное бедствие и выжить. Кроме того, он боялся показаться смешным… да и ее саму он тоже до смерти боялся! Наверное, все это вкупе и называлось одним словом: боготворить.

И снова судьба взяла его за руку, заставив просто позвонить в ее дверь. Потому что время, в котором они жили, было отнюдь не временем звона лат – оно было всего-навсего эрой электрических звонков. Когда можно было коротко позвонить в дверь и сезам бы открылся. Или же «звякнуть на мобильный». «Напиши мне на мыло», – как-то небрежно бросила ему одна девица, сунув в руку бумажку, – наверное, она сочла его выступление в институте интересным. «Мыло»… «звякни»… О боже! Он готов был писать для той, что так поразила его, поэмы… Но как хорошо, что он этого не сделал! Потому что стихи не были сильной его стороной, а то, в чем он действительно оказался силен, был способен понять далеко не каждый. Кроме того, так, походя, что называется, «на пальцах», он не смог бы никому ничего объяснить. Тем более ЕЙ.

– Заходите, – просто сказала она, открывая двери, и он вошел.

Он смотрел на нее, а она смотрела на него. Это, несомненно, была она – та, в которую он был так сильно влюблен, но… его вдруг словно окатили холодной водой. Он стоял, не в силах вымолвить ни слова, стоял в каком-то странном замешательстве. Потому… потому что ЗДЕСЬ было еще что-то! Что-то, чего он поначалу не уловил! Не рассмотрел! Или не расслышал?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kostina_natal-ya/ya-znayu-kak-ty-dyshish

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити